

Прекрасна и очень опасна

Автор:

Елена Арсеньева

Прекрасна и очень опасна

Елена Арсеньева

Лиде сразу показалось странным это совпадение – название нового ночного клуба «Красная волчица» и та песня о красной волчице, под звуки которой умирал ее брат Сергей. Его освободили из лагеря досрочно – из-за тяжелого увечья, полученного на лесоповале. Вместо гордого красавца домой вернулась тень прежнего Сергея – страшная, изуродованная. Но он недолго прожил дома – уехал в деревню, где угорел, выпив водки, в старом теткинском доме. Лида нашла в плеере кассету с невыносимо грустной и красивой песней о волчице. Она нутром почуяла, что брат покончил с собой... И вот она в клубе «Красная волчица» и видит эту хищную женщину с красноватыми волосами, которая поет ту самую песню-плач. На пленке тоже звучал ее голос... И как она испугалась, увидев Лиду! Лида навела о ней справки, прочла дело брата и все поняла. Месть ее будет страшна!..

Елена Арсеньева

Прекрасна и очень опасна

Кружится снег – зима пришла опять,

Закат в крови – и жизнь к закату мчится.

Теперь настало время вспоминать

Тебя, моя прекрасная волчица!

Из стихов Сергея Погодина

19 декабря 2002 года

Эти моральные уроды, конечно, опаздывали.

Как всегда.

Лида стояла у подъезда и, пряча лицо в воротник (мало мороза, который не унимался весь декабрь, – сегодня еще и задувало несусветно, причем с севера!), смотрела на хилую елочку, торчащую в сугробе. На ней вились две паутинки серебряного дождя, между иголками щедро набился снежок – видимо, елочка стояла тут всю ночь. Обычно такими повидавшими виды елочками бывают утыканы дворы после Нового года, Рождества и старого Нового года (чисто российская несурезица, между прочим, ни в одной стране мира такой прелести нет, изучающие русский иностранцы в обморок падают, пытаются постигнуть смысл этого языкового прибаамбаса, и остаются в уверенности, что, да, умом Россию не понять!). После всех этих отечалок и выносят вон из дому «виновниц торжества», от которых больше нет никакого проку – один мусор. Украшают елками, вернее, порыжевшими палками заваленные снегом песочницы, заметенные газоны и подходы к мусорным бакам. А тут кто-то отпраздновался больно рано – до Нового года еще бог знает сколько времени!

«Это по какому же календарю справляли? – лениво думала Лида, разглядывая елочку – очень хорошенькую, между прочим, свеженькую и зелененькую, такое впечатление, только что из леса – да-да, из настоящего леса, а не из питомника, где они соседствуют, словно сельди в бочке – впритык, не развернуться, не распушиться. Оттого елки на новогодних базарах и продаются как бы сплюснутые с двух сторон: сразу видно, росли в большом, дружном, тесном елочном интернате-питомнике! В отличие от этой равносторонней красотки. – По мусульманскому? Иудейскому? Нет, вряд ли! Может, по языческому? Хотя они вроде бы в сентябре гуляли, язычники-то? А день зимнего солнцеворота тоже еще только 23 декабря настанет...»

Хлопнула дверь за спиной. Лида оглянулась, но это были не Ванька с Валькой. Это вышла Женя Поливанова с третьего этажа: потащила своего Ларика в музыкалку. Вон и скрипочка зажата под мышкой у юного дарования.

– Мама! Елка! Мама! Елка! – завопил малолетний Илларион Поливанов. – Смотри! Давай заберем!

Женя посмотрела на Лиду, хихикнула и завела глаза, осуждая подрастающее поколение:

– Как это – заберем? Она ведь чужая!

– Не чужая, а ничья! – Ларик органически не был способен изъясняться не на повышенных тонах. Возможно, такова была реакция молодого, растущего организма на повышенную дозу скрипичного лиризма. – Она тут точно всю ночь простояла – видишь, вся в снегу? Наверное, она у кого-то лишняя была, вот ее и воткнули в сугроб! Чтобы кто-нибудь, у кого елочки нету, ее забрал. А у нас нету. Значит, мы можем ее забрать!

Лида с уважением поглядела на вертлявого шпингалета в овчинной ушанке. Вот голова! Вот логика! Право, у детей тоже есть чему поучиться. Ей-то, большой тетеньке, даже и в голову не пришло такое элементарное объяснение. На миг она пожалела, что не сама догадалась – елка ничья, что Ларик «первый заявил» (так, кажется, это называется на их особенном, детском языке?), а ведь у нее тоже нету елки... Но известно – кто не успел, тот опоздал. Да и зачем ей эта красота? Чтобы еще острее почувствовать свое неминуемое очередное новогоднее одиночество? Нет уж, поставишь искусственную, как обычно. Рядом с ней праздник не так остро ощущается – а значит, и праздничная хандра не столь мучительна. Так что пусть елка достанется Ларику. Это будет только справедливо.

– Ларик, ты что? Мы на урок опаздываем! Когда нам елки таскать туда-сюда? – возмутилась Женя. – К тому же это папина проблема – елочку купить.

– Зачем деньги зря тратить, если вот она уже здесь? – с той же поразительной логичностью возразил Ларик. – А папа, сама знаешь, дотянет до последнего, как в том году. И привезет вместо нормальной елки две общипанные палки! И ты снова будешь говорить, что ему ничего нельзя доверить!

Женя растерянно уставилась на соседку. Лида больше не могла сдерживаться – расхохоталась.

– Вот же зараза, а? – пробормотала Женя. – Слова сказать при нем нельзя – все на ус мотает! И это сейчас, в десять лет! А что дальше будет? Кем он станет, не понимаю?!

– Летчиком, – моментально сообщил Ларик.

– Да какой из тебя летчик? – хмыкнула мама. – Троечников в летчики не берут.

– Ладно, тогда вертолетчиком, – покладисто согласился Ларик. – Ну правда – хватит болтать, мама, а то и в самом деле на урок опоздаем! Бери елку, пошли!

Круглое, румяное, пухлощекое Женино лицо стало несчастным. И Лида ее понимала: лифт не работал. Тащить елку на себе на третий этаж... с Женькиными-то габаритами (пятьдесят четвертый размер!)... в Женькиной-то новехонькой норковой шубке до щиколотки...

Дверь снова хлопнула. Лида с надеждой оглянулась, но на крыльце никого не оказалось. Наверное, кто-то вошел в подъезд за их спинами. А Ваньки с Валькой и в помине нет. Заспались, что ли? Или забыли про тракт?[1 - Репетиция или запись телевизионной передачи.] Черти, чтобы Лида еще раз с ними связалась... Опоздает точно! Главное, не убежишь без них: и дело не только в том, что Ванька с Валькой обещали подвезти ее до студии, но и в том, что без двух главных героев сегодняшнего выпуска «Деревеньки» делать на студии просто нечего. Придется сбегать за ними, за этими пакостниками.

Она подняла голову и сердито посмотрела на их окна на четвертом этаже. Вот так номер! На балконе точно такая же елочка торчит. Уж не Ванька ли с Валькой решили осчастливить соседей, купив нарочно или нечаянно лишнюю зеленую красоту?

Лиде они, во всяком случае, одновременно подложили две больших свиньи. Во-первых, надо идти их тормозить. Во-вторых, не миновать стать выручать соседку!

– Ладно, Жень, не мучайся, – сказала Лида. – Я отнесу. Мне все равно возвращаться. Ну и... занесу к вам по пути! Дома кто есть?

– Баба Клава дома! – завопил абсолютно счастливый Ларик. – Тетя Лидочка! Тетя Лидуся, я тебя обожаю!

– Он вырастет не вертолетчиком, – вздохнула мама. – Он вырастет дамским угодником!

– Бабником, что ли? – хмыкнул просвещенный сын. – Да ладно, больно надо! Мне не нравятся женщины.

Лида и Женя переглянулись с ужасом, вполне понятным в наше время вообще, а жильцам первого подъезда дома номер семь «а» по улице Полтавской – в особенности.

– То есть как это – не нравятся женщины? – выдохнули они робким хором.

– Легко, – ответил Ларик. – Из всех женщин в мире мне нравятся только мама, баба Клава, тетя Лидуся, Танька Ховрина из третьего «Б», Нина Селезнева из десятого «А», миледи из «Трех мушкетеров», Джулия Робертс – всегда, а Шарон Стоун – только в «Основном инстинкте», потом еще новенькая продавщица в кондитерском отделе в супермаркете. И все! – Ларик немножко подумал и добавил: – Нет, еще та девушка, которая в рекламе «Тампакс». Черненькая такая, в беленьком платице. Но теперь уж точно – все!

Лида вырвала елку из сугроба, прижала к своей выдавшей виды дубленочке, которой соседство иголок было нипочем, и, прощально махнув ошалелой Жене, ринулась в подъезд – молча, стиснув зубы, чтобы не расхохотаться.

Кажется, за ориентацию Ларика можно не опасаться! И слава богу! Но засмеяться при нем – боже упаси: этот юный лев самолюбив, как истинный царь зверей, вовеки не простит. Поэтому расхохотаться она позволила себе только на лестнице – и хохотала все время, пока поднималась на третий этаж и когда отдавала елку Женькиной маме. Баба Клава, вернее Клавдия Васильевна, была женщина совсем еще не старая и веселая – приняв елку и выслушав рассказ Лиды о том, что произошло во дворе, она тоже засмеялась.

– Проходи, Лидочка, чайку попьем, – пригласила баба Клава. – Таки-ие рогалики у меня!.. Покушай, золотая моя, а то вон какая тощая стала, ну суцая волчица голодная! Куда больше худеть, небось уже сорок второй размер!

– Нет! – выставила ладони вперед Лида. – Нет, Клавдия Васильевна, спасибо большое. Это вам и вашей Женьке идет приятная полнота. А мне идет суровая худоба. Размер же у меня не сорок второй, а по-прежнему сорок шестой, увы. Поэтому – нет, не искушайте меня бесами углеводов! К тому же я на работу опаздываю. Пойду этих потороплю. – Она ткнула указательным пальцем в потолок: Ванька и Валька жили над Поливановыми-Серебряковыми – на четвертом этаже. – Договорились встретиться в четверть десятого, уже половина, а их и в помине нет. Ой, – поразила ее догадка, – а вдруг они пробежали, пока я тут стою?! Видят – меня нет, сели и уехали?

И в то же мгновение точнехонько над их с Клавдией Васильевной головами раздался грохот. Такое было впечатление, что упало что-то очень тяжелое. Даже люстра в прихожей закачалась. Вслед за тем кто-то быстро протопал, а потом снова что-то грохнулось – теперь уже в комнате.

– Дома, голубки! – брезгливо сказала Клавдия Васильевна. – Что они там делают, новые позиции осваивают?

Лида покраснела. Она почему-то жутко стеснялась таких разговоров – что с малыми, что со старыми. Строго говоря, стеснялась обсуждать эти проблемы и со своими подругами, и со знакомыми противоположного пола, из-за чего многие искренне считали ее не просто старой девой, но замшелой девой. Наверное, они были бы жутко изумлены, если бы узнали, что Лида Погодина побывала-таки замужем – правда, недолго, всего полтора года, но все-таки... Вся штука в том, что она искренне пыталась забыть свое неудавшееся супружество – и это ей почти удалось. Вспомнила Лида Виталия и их былые отношения вынужденно, встретила с ним после многолетней разлуки через силу, ну и нет ничего удивительного, что эта встреча окончилась хуже некуда!

При одном только воспоминании о последнем разговоре с Виталием настроение рухнуло ниже нижнего предела, скисло, как молоко на солнце. Скорей бы оказаться на студии! Там некогда думать о таких глупостях, как душевное равновесие, братская любовь, справедливость и месть! Там надо работать, работать!

Лида торопливо простилась с бабой Клавой вместе с ее рогаликами и взбежала на четвертый этаж. Остановилась перед дверью, кокетливо обитой сизо-голубым кожзаменителем, с витиеватым номером 17, протянула руку к звонку.

Заливистое курлыканье, которое обычно звучало глуховато (звонок у Вальки с Ванькой был укреплен в любимом месте этой парочки – в спальне), показалось Лиде неожиданно громким. Неудивительно – дверь-то приотворена.

– Эй, ребята! – окликнула Лида, толкая ее и пытаясь просунуть голову в коридор. – Вы не забыли про тракт?

Дверь, однако, больше не поддавалась, словно кто-то из двоих – Ванька или Валька – стоял за ней и не давал открыться.

– Ребята, можно? Это я, Погодина, – проговорила Лида. – Мы опаздываем просто клиничес...

Она осеклась. Из глубины квартиры прозвучал какой-то звук. Всклипывание, что ли?

Загадка. Неужели эти моральные уроды по своему обыкновению начали выяснять отношения не вовремя? И Ванька или Валька выпалил, что их любовь была ошибкой, что нашел другого, что настало время расставаться? И сейчас Валька или Ванька рыдает на руинах разбитого чувства?

Сколько угодно, голубчики. Только не сейчас!

Лида изо всех сил толкнула дверь – но та сдвинулась всего лишь на какие-то сантиметры. Ее что-то держало снизу – подпирало и не пускало. Лида села на корточки и просунула руку – убрать помеху. Рука схватилась за что-то костлявое, обтянутое тканью. Лида повозила рукой вверх-вниз, вправо-влево и сочла, что ощупывает чью-то ногу, согнутую в коленке и обтянутую джинсами. Джинсы неизменно носил Ванька, Валька же – легонькие клетчатые брючата в невыразимый обтяг. Лида вспомнила, как что-то тяжело обрушилось над их с бабой Клавой головами несколько минут назад, и поняла, что это упал Ванька. Упал и почему-то до сих пор лежит на полу. А второй грохот, видимо, означал падение Вальки? Что это их ноги держать перестали с утра пораньше?!

– Ваня, это ты? – крикнула она в приступе ужаса и так сильно налегла на дверь, что та наконец подалась.

Лида смогла просунуть в коридор голову и увидела скрючившееся тело.

Это был Ванька, сидевший в нелепой позе на полу: подобрал коленки, закинув голову и разбросав руки. Рядом валялись его куртка и Валькина несусветная шубейка из стриженной и крашенной в ярко-синий цвет, баснословно дорогой норки.

По желтому яркому Ванькиному свитеру расплылось темно-красное пятно, и Лида зачем-то потянулась к нему рукой, хотя и так было ясно, что это кровь.

Просунуться дальше, впрочем, не удалось. Лида резко отпрянула за дверь, стащила дубленку, пиджак, бросила на пол и теперь протиснулась в коридор почти без усилий. Щелкнула выключателем, склонилась над Ванькой, зажала рот руками, увидев кровавое отверстие пониже правого плеча, откуда торчали ключья простреленного свитера и пузырчатými толчками выливалась кровь. А Валька, Валька-то где?!

С трудом разогнулась и, придерживаясь за стены – голова кружилась, тошнило так, словно вот-вот вывернет, – потащилась в комнату.

Боже мой! Валька лежит на пороге спальни, вниз лицом, нелепо изогнувшись; алый пуловер на спине точно так же изукрашен темно-красным набухающим пятном, как свитер Ваньки. И брызги – кровавые брызги на стене, на полу.

– Валя... – выдохнула Лида, взмахивая руками, пытаясь удержать равновесие. Но голова кружилась все сильнее, ее резко повело в угол. Оперлась о край стола, чтобы не упасть. И вдруг звон в ушах, который начался, как только она увидела лежащего в прихожей Ваньку, утих, и Лида отчетливо различила неторопливые шаги, доносившиеся из соседней комнаты.

И только тут до нее дошло, что человек, стрелявший в ее соседей, до сих пор находится в их квартире. Однако это кошмарное открытие отнюдь не придало ей сил бежать, а наоборот – лишило последних. Руки ослабели, ноги подогнулись – она тяжело села на пол и снизу вверх уставилась на невероятно высокого человека в черной куртке, который возник в раздвижных дверях, стал на пороге

над расprostертым Валькиным телом и протянул к Лиде руку с... О боже ты мой... да ведь он держит пистолет! Наверное, тот самый, из которого только что...

- А ты тоже, дура, к ним трахаться пришла? - неожиданно громко, оглушительно, невыносимо громко выкрикнул незнакомец, а потом черный глаз пистолетного ствола, в который неотрывно смотрела Лида, закачался, расплылся... и утонул в каком-то сизом, дымном мареве, вдруг нахлынувшем со всех сторон и затопившем и ее, и комнату, и весь окружающий мир.

5 февраля 2002 года

То, что Сергей исчез и возвращаться не собирается, Лида осознала не сразу. Она уже начала постепенно привыкать к его тихому, почти беззвучному присутствию за стеной: даже запах табачного дыма, поселившийся теперь в квартире, стал меньше ее раздражать. Судя по стойкости этого запаха и по количеству окурков, которые наутро оказывались в пакете для мусора, Сергей курил почти беспрерывно, сигарету за сигаретой. Ночью он то ли не спал, то ли часто просыпался, чтобы подымить, но у Лиды создавалось впечатление, что процесс курения не останавливается ни на минуту. При этом, что было странно, Сергей не кашлял, хотя, казалось бы, легкие его должны быть источены до дыр - при таких-то масштабах курения.

А впрочем, здоровье у него раньше было отменное, он вообще не болел по жизни, даже когда домашних валила с ног семейная эпидемия какой-нибудь, выражаясь по-старинному, инфлюэнцы, а проще говоря, простуды, гриппа, насморка, он всегда был бодр, свеж, силен, всегда готов сбегать в аптеку за лекарствами и заварить чай с малиной.

Лида, кстати сказать, росла девчонкой хлипкой и болезненной, но несокрушимое здоровье и крепость Сергея казались ей чем-то само собой разумеющимся, как и его ослепительная внешность, и безунывный нрав, и легкий, не скандальный характер, и неистребимая, великодушная рыцарственность. Долгие годы потом она мерила всех встречных парней и мужчин по образу и подобию Сергееву, и сколько же разочарований ей принесло открытие, что таких, как он, пожалуй, нет на свете! Устав от разочарований, она и вышла замуж за Виталия - нет,

вернее будет сказать, выскочила – оголтело и ошалело... Ничего хорошего из этого не могло получиться, ну вот и не получилось, конечно.

Видимо, эта несокрушимая крепость здоровья осталась при Сергее даже тогда, когда он превратился в ту пародию на себя прежнего, в того получеловека, который однажды поскребся – не позвонил, не постучал, а именно едва слышно поскребся в дверь Лидиной квартиры и хрипло выдохнул:

– Открой. Это я, Сережа. Пусти меня. – А потом, словно понимая, что Лида его не узнает, да и невозможно было его узнать, невозможно увязать в памяти два образа: Сергея прежнего – и его нынешние останки, он левой рукой неловко извлек из нагрудного кармана и выставил перед собой картонный бланк с фиолетовой печатью поверх фотографии – справку о досрочном освобождении в связи с увечьем.

И Лида долго-долго вчитывалась через цепочку в отпечатанные на машинке строки, прежде чем до нее дошло, кто это стоит там, за дверью, и просит его впустить.

Когда Лида наконец осознала смысл документа, она впала в такой ступор, что даже не сразу смогла отворить дверь. И пока возилась с цепочкой, то и дело выглядывала в коридор в робкой надежде, что страшное существо исчезнет, провалится туда же, откуда возникло, – внезапно, как несчастный случай, как стихийное бедствие. Кажется, Сергей ощущал это ее тайное, невысказанное желание, потому что иногда он вздыхал, негромко, протяжно, надсадно, и у Лиды моментально сжималось сердце от жалости, стыда и страха.

А может, ему было все равно, что с ним станет, все равно, впустит его Лида или нет, потому что, когда дверь наконец отворилась, он вошел не сразу, а какое-то время постоял на пороге с выражением нерешительно-отрешенным: смотрел то на стены прихожей, то на молодую женщину, медленно отступавшую от двери, судорожно обхватившую себя обеими руками крест-накрест, словно защищаясь или сдерживая дрожь. И опять ей стало стыдно, она развела руки – не то чтобы обнять Сергея, на это все еще не хватало ни храбрости, ни сил, – но хотя бы сделать приглашающий жест. Однако Сергей медленно улыбнулся левой стороной лица – от правой осталась только уродливо слипшаяся кожа, ведь вся правая сторона его тела была страшно искалечена: рука отсечена, плечо сплющено, как бы вдавлено в шею, а грудная клетка, чудилось, прилипла к спине – и сказал тихо, этим новым своим, задыхающимся, шелестящим

голосом, который приобрел там же, где потерял часть себя:

- Ничего не говори. Все сам знаю и понимаю. Ничего не прошу – только дай пожить. Не беспокойся, я ненадолго. Боковушка у тебя свободна? Я там лягу. Если занята – поставь раскладушку на кухне. Нет раскладушки – могу и на полу. Я привык. Мне бы только помыться, чтобы тут... ничего... – Он неопределенно повел корявыми пальцами, оглядывая Лидину дубленку, висящую на вешалке, ее коротенькую шубку из стриженного песца, несколько пар сапог, брошенных в угол, три разноцветных шарфа на верхней полке вешалки, вязаную шапочку. Бледно улыбнулся: – Обои переклеила? Красивые... А это, – показал ей свою нелепую торбу, – давай в мешок пластиковый завернем и в мусоропровод бросим, хорошо? Там и нет ничего, сам не знаю, зачем я это с собой пер. Так, по привычке... И одежду мою выкинь. (Он так и сказал: «Одежду!») Дай что попало, неважно. И вот еще что: деньги, которые ты посылала, – спасибо за них, большое спасибо! – они почти все целые остались, я их оставил там одному человеку. Он в мае должен выйти, обещал привезти. Хороший парень, он мне там другом был. Если появится такой Гриша Черный, скажет, должок, мол, привез – ты его не бойся, значит, это он, ты с ним без опаски встреться.

- Ну так ты сам с ним встретишься и заберешь, – разомкнула наконец губы Лида, но Сергей лишь бледно улыбнулся в ответ:

- Ну да. Это я просто так говорю, на всякий случай. Вдруг меня дома не будет или еще что. А так-то, конечно, сам...

- Сережа, ты кушать будешь? – шепотом – она могла пока говорить только шепотом – пробормотала Лида, и он кивнул:

- Только супу, ладно? Твердого ничего не могу, зубов, считай, нет, да и желудок теперь из кусочков сшит. Одно слово, что желудок, а на самом деле – кошелек для мелочи.

- Что... что?.. – Она начала задыхаться в попытках спросить: «Что с тобой случилось?», но Сергей понял вопрос:

- Под лесину попал. В тайге на лесоповале, понимаешь? Изломало всего, раздавило. Думали, не выжить мне. Руку ампутировать пришлось. Ничего, теперь уж ничего. Пройдет. Ты только надо мной не плачь, ладно? И это... не

говори мне ничего. Я все понимаю. Понимаю, каково тебе... Только и мне ведь... кучеряво. Так что давай пока молчать. Авось привыкнем друг к дружке. Потом... что-нибудь скажешь. Когда все отойдет. Отболит. Поняла? Полотенце дашь?

Лида послушно кивнула – это означало, что даст. И что она все поняла. Что будет молчать.

Так они и молчали все три дня – до тех пор, пока Сергей не исчез.

Кстати, это было второе его исчезновение. Первое произошло уже на второй день после его возвращения домой. Сергей тогда исчез утром, она еще спала, а вернулся поздно вечером. Лида, впрочем, и сама задержалась на записи, а когда пришла, он уже сидел на ступеньках и курил. Рядом стояла большая чашка с остатками крепкого чая и блюдце с раскрошенным пирогом.

Еще поднимаясь, Лида заметила на третьем этаже приотворенную дверь Поливановых-Серебряковых и теперь поняла, что подкормила Сергея Клавдия Васильевна. Именно такие большие бокалы, ярко-красные, в белых горошинах, издавна водились в ее хозяйстве, Лида сама сколько раз дарила соседке недорогие чайные сервизы ее любимой расцветки. Впустив Сергея домой (ключ он брать отказался в первый же вечер), Лида отнесла вниз бокал и блюдце. Глаза у Клавдии Васильевны были красные, все лицо опухло от слез. Но она только посмотрела на Лиду, покачала головой и ничего не сказала. Губы у нее тряслись, но ни звука из них не вырвалось. Лида тоже промолчала – привычно. Да, воистину о Сергее теперь можно было только молчать. Ну и плакать – если были слезы или силы.

У нее не было ни того, ни другого. Она теперь каждый день боялась – сама не зная чего. Исчез Сергей – тряслась как осиновый лист. Пришел – затряслась еще пуще. Весь мир вокруг превратился словно в зыбкое болото. Куда Сергей ходил – он ей ничего не сказал. Лида заикнулась было – показал в ответ авоську, наполненную пачками «Примы». Получалось, что бегал за куревом? Ну, пусть так...

Весь последующий день Сергей пролежал в боковушке, ничего не ел, зато дымил непрерывно. Лида тоже была дома, готовилась к лекции, и к вечеру у нее до того разболелась голова от дыма и напряжения, что около полуночи пришлось выйти подышать. И так хорошо было на улице, что она не могла

заставить себя вернуться домой. Бродила, бродила вокруг квартала, сворачивая в боковые улочки, где еще оставались старые, позапрошлого века, деревянные двухэтажные дома, обреченные на снос, где еще пахло особенно, забыто – дымом печным, старым деревом, слышался собачий лай. Черная кошка (а может, она просто казалась черной в темноте?) свалилась с огромной, какой-то уж совсем реликтовой березы и, резко выскакивая из пухлых сугробов, понеслась длинными прыжками к крыльцу. Юркнула в нарочно выпиленный для нее лаз внизу дверей, и где-то в доме ошалело, переполошено, совершенно не по-ночному, заорал вдруг петух...

Морозы, которые щемили город последнюю неделю, отступили, пошел снег – даже не пошел, а повалил огромными, влажными праздничными хлопьями. Лида и не заметила, как миновал час. Двинулась наконец домой. Завернув во двор, подняла по привычке глаза к своим окнам и уловила промельк тотчас погасшего света в своей комнате. Шевельнулась тревога в душе – зачем Сергей заходил туда? А почему бы ему и не зайти, эта квартира принадлежит ему столько же, сколько и Лиде! А может быть, ей просто померещился свет? Промельк его был так краток...

Войдя в коридор, Лида почти уверилась, что да, почудилось. В квартире царил темнота, из-под двери боковушки не сочилась привычная сизая струйка – Сергей спал, надсадно храпя...

Лида успокоилась – первый раз, может быть, она уснула спокойно с тех пор, как вернулся Сергей. А утром он ушел – она еще спала, – ушел и не вернулся.

Лида ждала день и два. Потом решила – позвонила в милицию и спросила, как заявить о пропавшем человеке.

– Кто пропал? – спросил ее усталый мужской голос.

Она объяснила.

Мужчина хохотнул:

– А вы что, очень хотите, чтобы он вернулся?

- Да, - сказала Лида, зная, что врет, и чувствуя, что мужчина об этом догадывается.

Он помолчал, потом спросил:

- Вещи все в доме целы?

Теперь помолчала Лида. Насчет всех вещей она точно не знала, но одно пропало точно: плеер, который лежал около ее компьютера. Лида любила, работая, слушать потихоньку «Радио 7 на семи холмах». Исчезновение плеера она заметила одновременно с исчезновением Сергея. И сразу поняла, что тот моментальный промельк света в окне ей все же не почудился. Сергей точно заходил в ее комнату - забрать плеер. И унес его с собой - туда, куда ушел сам.

- Вещи целы, спрашиваю? - нетерпеливо спросил голос в трубке.

Лида не могла сказать про плеер.

- Не знаю, - пробормотала она. - Я не проверяла.

- А вы проверьте, проверьте, - с ехидцей посоветовал голос. - И если потом захотите, чтобы мы его все же нашли, - ну что ж, звоните снова! А лучше сразу идите в ваш райотдел - вы в каком районе живете? В Советском? Ну вот идите в ваш райотдел, это около Советской площади, и пишите там заявление. Спросите у дежурного, к кому обратиться. Но только сначала подумайте, а надо вам это, девушка?

Лида не ответила и положила трубку. Постояла посреди комнаты, бесцельно глядя по сторонам, ничего проверять не стала, а сразу легла спать. У нее это с детства было, на всю жизнь сохранилось: прятаться от неприятностей под одеялом, зарывшись в подушку и крепко зажмурясь. Ночь ее всегда выручала и успокаивала, прятала от дневных неприятностей.

Так было всегда, вот только нынешняя ночь ее подвела.

Приснился сон.

Снилось Лиде, будто стоит она на окраине какой-то деревушки, замеченной снегом по самые крыши малочисленных низкорослых домишек. Стоит и смотрит, как солнце – дымно-розоватое, лишь чуть-чуть окрашенное золотом – медленно опускается за темно-синюю зубчатую тень дальнего леса. И вот ей чудится, будто из леса выметнулись два каких-то красноватых пятна. И скоро она понимает, что это никакие не пятна, что она и впрямь видит двух волчиц ярко-красного цвета. Почему-то Лида уверена, что это именно волчицы – не волки, не лисицы. Хотя она никогда в жизни не видела красных волчиц, а все же убеждена в этом.

Какое-то время волчицы то проваливаются в сугробы, то выскакивают из них, но постепенно они все же приближаются к окраинному домику. И вот уже близок его почти заметный плетень. Вдруг окно домика разбивается вдребезги – бесшумно, пугающе летят в стороны осколки стекла, – и на снег, вышибив мощной грудью ветхую оконницу, выпрыгивает большой серый волк. Волчицы от неожиданности замирают, а он какое-то мгновение глядит на них исподлобья, потом резко отворачивается и кидается прочь, к окраине леса, которая темнеет далеко позади дома. Он мчится, словно не касаясь сугробов, а волчицы и шагу сделать не могут, потому что тонут в снегу, вязнут в нем.

А между тем солнце садится, мгновенно падают сумерки. И серая тень тает в них. И тогда одна из волчиц садится на лапы, задирает морду к белому серпику молодого месяца, который вдруг четко проглянул на почерневшем небе, и начинает выть. А другая просто ложится на снег, сворачивается клубком – да так и лежит, несмотря на то, что поднывавшая поземка замечает ее, замечает с головой...

Лида проснулась с таким сердцебиением, что села и какое-то время давила руками на грудь, словно боялась: вот сейчас сердце выскочит, выскочит...

Ничего, обошлось. Перевела дух, легла на спину, выпростав руки поверх одеяла и пытаюсь успокоиться.

Сон как сон, ничего в нем нет страшного. Даже очень красивый сон, хотя и мрачновато-фантастический такой, в стиле не то Фарли Моуэта, не то Джека Лондона. Однако антураж вполне родимый, деревенька уж такая а-ля рюс, что дальше некуда! Причем полное впечатление, что Лида уже видела раньше эти окраины леса, похожие на крылья огромной птицы, и эту беспорядочную

россыпь домиков видела...

Она уже начала задремывать вновь, когда вдруг вспомнила, что приснилась-то ей, оказывается, деревня, где стоял теткин дом. Лида получила его после теткиной смерти. Деревня называлась смешно – Авдюшкино, и последний раз Лида там была уже глубокой осенью, после первых заморозков, когда ездила собирать калины.

С чего бы это вдруг ей приснился старый дом? И какие-то волчицы – красные, фантастические... И серый волк... Серый...

Она вдруг вскочила, еще не вполне осознав, что собирается сделать. Кинулась в коридор, зажгла свет, открыла нишу, где на гвоздиках, вбитых в изнанку дверцы, висели все ключи: запасные от квартиры и от почтового ящика, а также ключи от подвала, от чердака, еще какие-то старые, просто так, на всякий случай, оставленные еще теткой... На каждом гвоздике была заботливо наколота бумажечка с соответствующей надписью: «Чердак», «Подвал», «Почта». Была здесь и бумажка с надписью: «Авдюшкино». Однако ничего, кроме бумажки, на гвозде не оказалось. Ключ от деревенского дома исчез.

19–20 декабря 2002 года

– Так, прогоняем следующую сцену. Марютка роняет спицу, лезет под стол и видит, что вместо сапог у женихов копыта. Таращит на них глаза – ее лицо надо показать крупно, поэтому ты, Капитонов, вон там заляжешь и будешь караулить, понял? Потом она выбирается из-под стола и снова садится со всеми с таким видом, словно палку проглотила. Толкает в бок сестру...

– Не получится, Лола сидит с той стороны стола.

– Забыли имена! Сколько раз говорить – забыли свои имена! Оставили их за дверью, потеряли, выкинули вон! Не Лола, а...

– Варя, Варя, успокойся, Саныч. Варьку-то ты с той стороны стола посадил!

– Да? Правда. Ошибочка вышла. Переползай, Варюха, к Марютке и прялку прихвати.

– Саныч, бога ради, давай я лучше буду вязать, а? У меня веретено в пальцах не поворачивается!

– А ты его крепче держи – и повернется.

– Да ну его на хрен, я и так все ногти себе об эту куделю поломала. Давай я буду спицами вязать, а прядет пускай Марютка, у нее все равно ногти обгрызенные.

– Да ради бога, мне без разницы...

– Как это без разницы?! И что? Что она должна ронять? Веретено?

– А почему бы и нет?

– А за ним вся эта хренотень с прялки не потянется? Куделя или как ее там? Лида! Лидочек, ты меня слышишь? Эй, где автор? А, вижу. Слушай, как там по всем вашим фольклорным законам? Прялка может уронить веретено? Бли-ин... В смысле, пряха может его уронить – без ущерба для творческого процесса?

Лида качнула головой:

– Не получится. Веретено не упадет – повиснет на нитке. Поэтому спицы останутся у Марютки.

– Ребята, ну если нельзя спицами, можно, я хоть крючком буду плести? Какую-нибудь салфеточку, а? – со слезами в голосе простонала Лола, она же Варя.

Лида устало прикрыла глаза. Иногда на репетициях или записях «Деревеньки» ей казалось, что она находится в сумасшедшем доме. Актеры вообще народ своеобразный, суматошный и сумбурный, а эти ребята были в большинстве своем пока еще студентами театрального училища, безумно счастливыми оттого, что их выбрали сниматься в самой любимой, самой рейтинговой передаче канала «Око Волги» – «Деревенька». Это было любимое дитя Лиды Погодиной – некий развеселый капустник по мотивам мифологических баек о

всяких там чертях, водяных, русалках, леших, банниках, овинниках, домовых, дворовых, сарайниках, амбарниках, степовых, полевых, межевичках, луговичках, полудницах, кладовиках, блудах, манилах, уводилах, белых бабах, белых змеях и прочих «вторых», как называла эту таинственную братию русская демонология. Режиссер Саныч – его на самом деле звали Александром Александровичем Лаврентьевым – был сыном Лидиной научной руководительницы по защите диссертации,знакомился с материалом, что называется, из первых рук и еще два года назад, когда Лида защищалась, взял с нее страшную клятву, что когда-нибудь она напишет для телевидения такой фольклорный сериал. Лида, конечно, слово дала – ну кто станет ссориться с сыном своего научного руководителя?! – но заниматься ничем таким не собиралась. Деньги ей были особо не нужны, а связываться с психдомом под названием «Студия телевидения» было страшновато. Однако после того, что испытала Лида зимой прошлого года, ею овладела такая чудовищная депрессия, что надо было искать хоть какое-то средство, чтобы прийти в себя и зацепиться за жизнь. Она сама казалась себе живущей в психушке, причем не в общей палате, а в карцере для особо нервных больных! И тогда на помощь пришли эти обожаемые ею существа, которые, как известно, населяли раньше каждый лес, каждый водоем, каждое подворье и каждое поле. Раньше – когда в них верили. Ну а как верить перестали – все они и вывелись.

С первых же выпусков «Деревенька» обрела поразительную популярность. Она успешно конкурировала не только с самыми забойными передачами местных, нижегородских, телеканалов вроде «Воскресной гостиной», «Автостопа», «Чудаков на букву М», «Действующих лиц», но порою затмевала по популярности даже общероссийский «Городок». А в области, согласно опросам, вообще ничего не смотрели в то время, когда по «ОВ» шла «Деревенька». Ее героям – вышперечисленным «вторым» – приходили пачки писем! Зрители от мала до велика почему-то принимали их всерьез. Совершенно как популярных певцов или телевизионных ведущих. Им объяснялись в любви, у них спрашивали житейских советов, их звали в гости куда-нибудь в Сеченово, Васильсурск или в Курмыш. И Лида начала надеяться, что с ее помощью, а также с помощью неугомонного Саныча, конечно, и всех этих психов из театрального училища «вторые» начнут возрождаться из небытия и потихоньку заселять родимую землю.

Живут же в Западной Европе добрые духи природы – эльфы, феи и злые карлики, стерегущие сокровища, гномы и кобольды! А на Олимпе, говорят, до сих пор иногда слышна поступь бессмертных богов. Так почему бы не ожить тем, кто веками подкреплял знаменитое русское двоеверие?!

– Лида, ты что, спишь? – заорал экспансивный Саныч. – Я тебя второй раз спрашиваю: может, лучше Марютка еще раз уронит спицу – чтобы удостовериться в том, что видела?

Ответить Лида не успела – в студии внезапно погас свет, и со второго этажа, с пульта, донесся голос ассистента режиссера, который размечал расстановку камер и монтаж кадров, пока Саныч прогонял сцены с актерами:

– Ребята, давайте прервемся на минуту! Посмотрите, что гонят по шестому каналу!

На студийных мониторах, на которых только что мелькала учиненная Санычем разноцветная фольклорная суета, появилось худое черноусое лицо с возбужденно, как бы даже не в лад мигающими глазами. Это был лучший репортер канала «Дубль В», а может, и всего Нижнего Новгорода, ведущий передачи «Трудный итог». Звали парня Владимир, чаще – Вовочка, за пристрастие к анекдотам про этого всенародно любимого аморального дебила, ну а фамилия его (репортера, конечно, а не дебила!), словно по заказу, была Мигало. С другой стороны, если есть на свете фехтовальщик Кровопусков, почему не существовать человеку с лицевым нервным тиком по фамилии Мигало?

При виде туго обтянутого кожей лица Вовочки, имеющего на плохо настроенном мониторе несколько лиловатый, словно бы трупный оттенок, Лиду замутило. Почудилось: вокруг снова расплылся запах нашатыря, которым ее приводила в чувство Клавдия Васильевна. Именно она вызвала милицию и «Скорую» к соседям, почуяв неладное. Но, конечно, не ее вина была, что кто-то из этих двух служб находился на прикорме у телевизионной программы «Трудный итог», а потому немедленно звякнул Мигало о трагическом случае на улице Полтавской. И поэтому ноздря в ноздю с врачами и милицией (обе бригады появились в семнадцатой квартире практически одновременно) возник здесь и вертлявый усач с микрофоном в зубах, а при нем – толстый крепкий парниша с глазами истинного телеоператора-репортера: они, чудилось, видели все происходящее и спереди, и слева, и справа, а порою даже и сзади, такими швыдкими были, и вообще, создавалось впечатление, что глаза эти обладали способностью вращаться в орбитах и поворачиваться радужкой внутрь. Что и говорить, в «Трудном итоге» работали крутые, безочарованные профессионалы, видевшие-перевидевшие все на свете. И первым проявлением этого профессионализма у

них было то, что Мигало к моменту прибытия на место съемки совершенно непостижимым образом успевал вызнать всю подноготную о жертвах того или иного преступления, о VIP-персонах, влипших в скандал, – словом, обо всем происшедшем. Рассказывали, что он не раз и не два вычислял преступников даже раньше компетентных органов, в процессе ведения репортажа! Но отнюдь не получал за это благодарность в приказе по компании «Дубль В» вместе с именными часами от начальника нижегородского УВД, потому что у Мигало что было в уме, то и на языке, и эти самые преступники успевали сделать очень длинные ноги, загодя во всеуслышанье предупрежденные болтуном-профессионалом. Однако это ничему не научило Мигало и его осведомителей, а потому он продолжал являться в самых неожиданных местах с внезапностью стихийного бедствия и, возбужденно дергаясь всем лицом, мгновенно начинал репортаж. Пожалуй, Лида очнулась именно от звука его голоса, а не от запаха нашатыря. Очнуться-то она очнулась, но головы с толстых, уютных колен Клавдии Васильевны поднять пока не могла. Лежала, изредка смахивая набегающие слезы, собираясь с силами, чтобы встать, и волей-неволей слушала напористый голос Вовочки Мигало:

– Съемочная группа «Трудных итогов» находится в квартире семнадцать дома номер семь «а» по улице Полтавской. Здесь произошло преступление, которое поражает своей наглостью. Тяжело ранены – среди белого дня, можно сказать, ранним утром, в одиннадцатом часу! – хозяин квартиры, актер театра драмы Иван Швец, и его друг, студент театрального училища Валентин Скориков. Сейчас вы видите работников милиции, осматривающих место преступления, и врачей, которые оказывают первую помощь раненым. Да, и любимец публики Швец, и его друг остались живы: убийца оказался не профессионалом. К их общему и нашему, конечно, счастью! Ведь и Швец, и его приятель – по-настоящему хорошие актеры. Впрочем, правильнее было бы назвать Скорикова не просто приятелем, но и сожителем хозяина квартиры, ибо эти двое известны своими нетрадиционными пристрастиями. И не сомневаюсь, что одной из первых версий, выдвинутых милицией, будет именно тема ревности – суровой мужской ревности, так сказать.

Лида покачала головой...

– Сволочь ты! – раздался истошный крик Саныча, и Лида очнулась, сообразив, что она уже не в пахнувшей кровью квартире Ваньки и Вальки, а в студии и видит дергающееся лицо Мигало не наяву, а на мониторе. К монитору-то и вызвал их Саныч. – Сволочь ты, Мигало! Трупоед поганый! Антропофаг! Ни стыда у тебя, ни

совести! Твое какое дело, на хрен, кто с кем спал, спит и будет спать? Нет, клянусь, если он только брякнет, что ребята снимались в «Деревеньке», я ему вчиню тако-ой иск... нет, я его просто убью! Найму киллера и убью, вот вам святой истинный крест! – И Саныч размашисто перекрестился распечаткой сценария сегодняшней сцены.

– Он ничего не скажет, не волнуйся, – пробормотала Лида. – Когда он меня узнал, то сразу придержал язык.

Саныч посмотрел вприщур на Лиду и медленно кивнул. Он понял, почему заткнулся Мигало... Дело, конечно, было не в том, что в душе Вовочки вдруг проснулись честь и совесть: эти чувства профессионалы-репортеры выжигают в своих душах каленым железом. Или ты порядочный человек – но неудачник, или тварь бесстыжая, продажная, безжалостная – но истинный журналист. Мигало принадлежал к числу «истинных мастеров», а значит, вместо души у него было портмоне, вместо головы – компьютер, а вместо сердца... нет, даже не пламенный мотор, а калькулятор. Он прекрасно знал, что представитель президента в Нижегородском округе, Владлен Сергач, тот самый, при официальной поддержке которого и процветает канал «Дубль В», в то же время является тайным держателем акций компании «Око Волги», то есть именно на этих деньгах держится «Деревенька». Разумеется, «деревенщики», как и все порядочные люди, терпеть не могли Сергача, с подачи которого вся страна не столь давно рухнула в дефолт (за что, надо полагать, он и был награжден этой «шубой с царского плеча» – своей хлебной и не пыльной должностью), однако твердо придерживались мнения, что с паршивой овцы – хоть шерсти клок, и охотно брали Сергачевы деньги на новые и новые выпуски «Деревеньки». Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя; свобода буржуазного писателя, художника или актрисы напрямую зависит от денежного мешка... и далее по тексту. Таким образом, не один Мигало был крутым профессионалом. Но, повторимся, Вовочка, имея вместо сердца счетную машинку, отлично знал: одно некорректное словечко в адрес «Деревеньки» немедленно вызовет у Сергача жуткую реакцию отторжения, и тогда «Дублю В» может здорово не поздоровиться.

Поэтому про «Деревеньку» и в самом деле в репортаже Мигало не было даже упомянуто.

Лида вдруг заметила, что смотрит на экран, брезгливо морщась. И не только потому, что на Мигало тошно было глядеть. Запах нашатыря продолжал

назойливо терзать ее обоняние. Да что за напасть?! Какая-то навязчивая галлюцинация.

Она повернула голову и убедилась, что галлюцинация тут совершенно ни при чем, а нашатырем пахнет потому, что им приводят в себя рыдающую в другом конце студии Лолу.

Ну да, понятно. Иван Швец считался признанным красавцем и у мужчин, и у женщин. Лиде всегда казалось, что Ваньке следовало бы похудеть килограммов на десять, тогда, без этих пухлых щечек и второго подбородка, он смотрелся бы и в самом деле отлично, однако это не мешало ему разбивать сердца направо и налево. Актером он был хорошим, что и говорить, и если уж давал себе труд изображать любовь на сцене или на экране (в «Деревеньке» он играл жениха Лолы-Вари), то трудно было отличить игру от реальности. Видимо, бедняжка Лола и купилась. И сейчас рыдает неведомо отчего: или оттого, что герой ее снов оказался пидермоном, как говорят французы, или что он стал жертвой покушения.

Но что бы там ни утверждал Вовочка Мигало, какие бы версии ни разрабатывали компетентные органы, Лиде было совершенно ясно: покушение никак не связано с сексуальной ориентацией – вернее, дезориентацией Ваньки и Вальки. Парень, который в них стрелял, вообще не представлял, что ребята – «голубые». Иначе он не бросил бы Лиде с беспощадной яростью: и ты, мол, дура, трахаться сюда пришла?

Вспомнив его слова, Лида припомнила заодно, что не обмолвилась о них оперативнику, который снимал с нее первые показания. Вообще, если уж совсем честно, она ни слова не сказала и о том, что видела стрелявшего. Во-первых, ее никто не спросил, застала она кого-то в квартире или нет. Милицейской бригадой как-то само собой, априори, было решено, что «Погодина Л.Н., соседка пострадавших, проживающая в кв. № 21 (так ее обозначили в протоколе), вошла в квартиру Швеца, увидела два окровавленных тела – и рухнула в обморок. А убийца в это время был уже далеко». Видимо, такое убеждение сложилось из показаний Клавдии Васильевны – она-то в самом деле никого не видела, кроме раненых и лишившейся чувств Лиды.

Таким образом, Лиду никто ни о чем не спрашивал, а сама она не проявила инициативы давать показания. Прежде всего потому, что ничего толкового не могла бы сказать. Была слишком потрясена. Лица того человека она не помнила

– вместо четкого рисунка черт клубилась в памяти какая-то мешанина, к тому же смотрела Лида не в его глаза, а в единственное око пистолета, а что касается громадного роста убийцы, она ведь глядела на него снизу, уже сидя на полу, да и была в полубморозе. Она даже не может точно утверждать, что он был одет в черное: в глазах потемнело. С другой стороны, она понимала, что хоть какая-то информация могла бы оказаться милиции полезной. Например, что стрелявший – мужчина, а не женщина. Хотя бы это! Но ее прошлый – и единственный – опыт общения с правоохранительными органами оказался настолько печальным, а вернее сказать, трагическим, что для нее лица всех работников милиции, прокуратуры, следствия слились в некую ледяную, равнодушную, точнее, вовсе бездушную маску. Этого отношения она не могла преодолеть, даже если бы ее гражданское сознание кричало во весь голос. Однако оно молчало в тряпку, как любила говорить Женя Поливанова, ну и Лида тоже промолчала.

К тому же у нее оказалась масса дел. Запереть квартиру, сопроводить Ваньку и Вальку в машине «Скорой помощи» до пятой больницы, нынче дежурной, убедиться, что «повреждений, не совместимых с жизнью, не обнаружено, состояние раненых средней тяжести», втихомолку порадоваться, что эти поганые пидермоны скоро вернутся в строй, а в ожидании этого срочно переписать сценарий сегодняшней передачи, вернее, написать другой. Ну и позвонить Саньчу, конечно. Очнувшись на том конце провода от кратковременного обморока, он немедленно начал договариваться со студией о переносе времени тракта и вызывать актеров, которые могли понадобиться для нового эпизода.

Возникли проблемы. Ведь в первоначально намеченном фрагменте с рабочим названием «Гадание» сниматься должны были всего три актера: Ванька, Валька и Лола. Суть эпизода заключалась в том, что деревенская девка Варюша накануне Рождества приходит в баньку, но не мыться-париться, а погадать о женихе. В бане, если кто не знает, живет такое страшноватое существо – банник, с виду напоминающее маленького, косматого, скрюченного старичка. Как и всякая нечистая сила, он наделен способностью провидеть будущее. Гадают девицы следующим образом: входят в темную, нетопленную баню, становятся задом к печке, задирают юбку и спрашивают:

– Богат ли будет мой жених?

Если да, то банник погладит красотку по попке мохнатой теплой лапой, если нет – пощекочет холодной рукой. Ну а если к нему подольститься, он может назвать

даже имя суженого... Варюха была девушка, по-нонешнему выражаясь, меркантильная и женихов, которых считала невыгодными, отшивала почем зря, без всякой жалости. Среди таких невыгодных и ходил красавец Ванюша (Ванька Швец играл своего тезку). Варвара резонно полагала, что с лица воду не пить, и готова была предпочесть богатого увальня Федора (в этой сцене актер ТЮЗа Коля Кривошип не участвовал). И решил Ванюша взять свою судьбу в свои руки. Он напоил банника (в его роли выступал Валька Скориков) самогоном так, что тот перестал лыко вязать. А потом уложил его в уголок, завалил старыми вениками, да и залез сам на полочку рядом с печкой. И когда Варька задрала юбки, вопрошая, каков будет ее жених, Ванюша не просто огладил ее мохнатой варежкой, но и воспользовался, фигурально выражаясь, девичьей беззащитностью. Легковерная Варька осталась в полной уверенности, что банник принял образ Ванюши, а потому решила не бороться с судьбой: отдать руку и сердце удалому красавцу.

В связи с тем, что оба исполнителя мужских ролей вышли из строя, пришлось срочно подготовить к съемке другой эпизод – с рабочим названием «Женихи-черти». Поскольку он требовал участия не трех, а десяти участников, которых предстояло еще собрать и ознакомить с текстом, студийное начальство смогло предоставить «Деревеньке» только ночное время: после одиннадцати вечера, когда живое вещание на «Око Волги» уже заканчивалось, шли только фильмы или заранее записанные передачи. Вот так и вышло, что они увидели эфир полуночных «Трудных итогов». И теперь шел уже первый час, а между тем запись фрагмента еще не началась. А ведь «Деревенька» стояла в завтрашней программе, и снять «Женихов-чертей» надо было именно сегодня. Умереть, но снять!

Строго говоря, сцена была незамысловатая. Девки собираются в избе веселой солдатки Маши на посиделки, прядут, вяжут, щелкают семечки, как вдруг раздается стук в дверь, и входят четверо ухажеров из соседней деревни. Надо сказать, что в старые времена такие вот ухаживания «чужих» не больно-то поощрялись. Узнав, что за девушкой из села, скажем, Малиново ходит парень из деревни, условно говоря, Калиново, ее земляки считали себя оскорбленными и могли, поймав ухажера на свидании, запросто переломать ему кости: не замай-де нашего добра! Однако на сей раз ни одного из суровых стражей поблизости не случилось. И никто не мешал девкам превесело проводить время со случайными гостями, тем паче что те принесли вина и сластей и начали угощать красавиц. В разгар веселья Варькина сестрица Марютка уронила спицу, полезла за ней под лавку, на которой сидели женихи, и обнаружила, что вместо сапог и валенок на их ногах – копыта, а стало быть, это никакие не женихи, а самые

настоящие черти, принявшие человеческий облик – надо быть, не с добрыми намерениями, а для замышления какой-нибудь пакости. Кое-как Марютка выманила сестру вон из избы – якобы по нужде, рассказала ей о своем открытии, и девки побежали в церковь – звать попа, чтобы изгнал чертей. Когда поп примчался и начал махать кадиллом да молитвы читать, черти, понятно, не выдержали и один за другим улетели в дымовую трубу, однако напакостить все же успели: все девки, как одна, оказались в чем мать родила и никак не могли взять в толк, куда подевались их рубашки да сарафаны.

Постепенно простодушное веселье этой фантастической байки одолело мрачное настроение молодых актеров, у которых из головы не шла печальная участь Ваньки с Валькой. У одной только Лолы непрестанно были глаза на мокром месте, но профессионализм – как мед Винни-Пуха: он или есть, или его нет, а Лола считалась все же профессиональной актрисой. Сцену в конце концов записали, и, хоть часы показывали уже четверть второго, а у актеров и телеоператоров заплетались ноги и языки, все находилось в том особом, приподнятом настроении, которое знаменует собой явную удачу. Уже кто-то втихаря выразился в том смысле, что нет худа без добра: сцена получилась необычайно эффектная, смешная до упаду, сдобренная здоровым народным эротизмом, поэтому завтрашняя передача определено будет иметь успех. А Ванька в последнее время избаловался, Нарцисс несчастный, играл через губу, текст то и дело забывал, мизансцены ломал, поэтому не факт, что «Гадание» удалось бы на «пять». Услышав такие разговорчики в строю, Лола страшно обиделась и опять залилась слезами. До обморока, правда, не дошло, однако она так плакала, что Лида даже начала опасаться за ее здоровье. Честно говоря, ей и в голову не приходило, что ошибка природы Ванька мог вызывать у этой пустынькой актрисульки с хорошеньким, но весьма жестким личиком такую бурю чувств. Она начала успокаивать Лолу, и процесс этот почему-то затянулся. Лида и оглянуться не успела, как они остались в гримерной одни: все прочие «девки», «женихи» и техсостав уже разбрелись по домам. А в гримерную рвалась следующая группа телегероев: время трактов было задействовано практически круглосуточно.

Лида вежливо, но настойчиво вытолкала Лолу в коридор и повлекла ее к выходу. Но тут же девушки спохватились, что их шубы остались запертыми в редакции. Пришлось возвращаться. То там, то здесь в студийных коридорах возникали истомленные бессонницей тени дежурных техников или ведущих ночных передач. Работал и лифт. Обе вдруг так устали, что поленились спускаться пешком и поехали на первый этаж на лифте. Лола продолжала всхлипывать и смахивала слезы со щек красной вязаной варежкой: их нарочно вязали для

съемок, но они так ей понравились, что она носила их каждый день, к тому же в эти морозы в перчатках руки зябли, а в рукавичках – нет.

Когда над дверью лифта зажглась зеленая цифра 1, Лола отвернулась от зеркала, в котором уныло разглядывала свою поблекшую от слез физиономию, и сделала шаг вперед, невольно оттеснив Лиду и даже не заметив этого. Та, впрочем, уже давно не обращала внимания на такие мелочи жизни!

Двери лифта разошлись, Лола сделала шаг вперед и вдруг запнулась, замерла, загоразивая Лиде дорогу. Та посмотрела поверх ее плеча и увидела какого-то высокого мужчину в черной куртке, который стоял за барьером, отделявшим общий вестибюль от запретного, «пропускного» пространства – собственно территории студии, и напряженно смотрел в лифт. При виде открывшейся кабинки он слегка подался вперед – и Лида, еще не отдавая себе отчета в том, что делает, вдруг резко нажала на кнопку пятого, верхнего этажа.

Дверцы сомкнулись, отрезав от Лиды напряженное лицо незнакомца... Нет, она видела это лицо! Лида мгновенно узнала его, несмотря на то, что секунду назад была уверена, что оно не сохранилось в ее памяти.

Сохранилось, да еще как! Раздвинувшаяся дверь... точно так же, как там, в квартире... – вот что послужило толчком к внезапному пробуждению воспоминания. Такое было ощущение, что в медленно действующий проявитель капнули какой-то катализатор, а оттого процесс проявки фотографии ускорился, смутные, расплывчатые черты мгновенно оформились и обрели пугающую четкость.

Это был тот самый громила в черной куртке, которого Лида видела в квартире Ваньки и Вальки. Теперь она вспомнила каждую черту его угрюмого, худого лица, вспомнила его глаза – они были хоть и светлыми, но такими же мрачными, как единственное око пистолета, грозно смотревшее в ее лицо.

Убийца пришел за ней!

7 февраля 2002 года

Лида никак не могла заставить себя поверить: Сергея надо искать именно в Авдюшкине. Все пыталась вспомнить: а не перевесила ли ключ от деревенского дома куда-то в другое место? Или просто, может быть, потеряла? Оставила в той куртке, в которой ездила в деревню осенью?

Она на всякий случай обыскала эту куртку, но ничего не нашла. Неужели ключ взял все-таки Сергей?! Но какой смысл ему тащиться в выстуженный, нетопленный дом посреди зимы? И к чему брать с собой плеер?

А может, он решил устроить там какую-нибудь гулянку? Собрать таких же бывших зэков, каким был он сам, и отметить какую-нибудь памятную дату? Типа, «как ныне празднует Лицей свою святую годовщину...». А впрочем, может статься, они и без даты решили обойтись, зэкари, просто гудят почем зря, пользуясь безлюдьем, безнаказанностью, тишиной! Магазин в деревне есть, пей – хоть залейся, никто не вытурит, никто не вызовет милицию...

Нет. Если у них там компания, что толку от плеера? Его могут слушать самое большее двое!

Может быть, Сергею стало просто невыносимо человеческое общество, даже общество сводной сестры, пусть она и держится от него так далеко, как это только возможно? И он решил побыть один, уехал для этого в деревню?.. Понятное желание. Но почему бы не предупредить Лиду? И сколько там можно торчать?

Лида уговаривала себя еще целый день, после того как обнаружила пропажу ключа, но потом терпение лопнуло. Надо было с кем-то посоветоваться, и она пошла к единственному человеку, с которым могла поговорить о Сереже: к Клавдии Васильевне. Рассказала про ключ и, отводя глаза, про исчезновение плеера. А про сон, конечно, промолчала. Ну, сон как сон, тревожно на душе – и что с того.

Клавдия Васильевна выслушала Лиду молча, махнула рукой и вышла из кухни, велев ей ждать. Вернулась с зятем, Женькиным мужем, – Костей Поливановым.

– Вот, у Кости завтра выходной, – непререкаемым тоном объявила Клавдия Васильевна. – Он тебя и отвезет в Авдюшкино. Одной тебе туда лучше не ехать. Во-первых, намаешься на автобусе, а еще ведь пять километров от трассы по

проселку брести. Во-вторых... мало ли что там может быть.

Лида восприняла последние слова в том смысле, что она там застанет пьяную компанию, и только потом, потом только поняла, что Клавдия Васильевна догадывалась, что предстоит там увидеть ее молодой соседке.

Она оглянулась на Костю. Лицо его отнюдь не горело энтузиазмом при мысли о том, что завтра надо ни свет ни заря тащиться в жуткую даль по оледенелой дороге. Однако и особого протеста Лида на этом румянном, веснушчатом лице не обнаружила. Вид у Кости был деловито-озабоченный: с таким выражением он, к примеру, искал бы в гараже какую-нибудь запчасть, явись кто-то из соседей попросить о помощи. Или пошел бы перетаскивать шкаф к друзьям, если бы его позвали. Надо человеку – значит, надо, приходится помогать, к тому же ему велела теща, а тещу детдомовец Костя Поливанов обожал как родную мать, так ее и называл и ослушаться ее даже и помыслить не мог. Но что-то тут еще было... что-то еще... Это Лида почуяла и в тот вечер, когда уговаривалась с Костей о времени завтрашнего выезда, и ощущала потом, всю дорогу, хотя Костя был по натуре молчун, каких мало, и не только лишних вопросов о Сергее – вообще никаких вопросов не задавал.

Обозначилось это что-то, когда уже доехали до места и убедились: к дому не проехать. Нужен как минимум час работы снегоуборочного комбайна, чтобы очистился проселок. Да и пешком пробраться тут было проблематично. Честно говоря, Лида надеялась, что кто-нибудь да проторил дорогу на окраину, но если даже и была раньше какая-то тропа, то три дня непрерывного снегопада ликвидировали ее подчистую. Лида обула для путешествия в деревню свои самые теплые и высокие сапоги, однако тут нужна была обувь еще посерьезней. И она была почти готова к тому, что придется возвращаться домой несолоно хлебавши, но тут Костя, приткнув свою «Ниву» у магазина и заглушив мотор, вытащил из-под заднего сиденья лопатку и две пары невероятно высоких и больших валенок, а в придачу к ним толстенные шерстяные носки – тоже в количестве двух комплектов.

– Переобувайся, – приказал Лиде и сам принялся расшнуровывать свои замшевые меховые ботинки.

Она испуганно похлопала глазами:

– Костя, да ты что? Со мной идти задумал?

Он кивнул, сосредоточенно заправляя брючину в носок.

– Но какой смысл? – пожала плечами Лида. – Я даже не уверена, что туда надо идти. Если бы он был там, печку топил бы, наверное. А ведь ни дымка, ничего.

Костя посмотрел на нее со странным выражением. «Жалеет он меня, что ли?» – изумилась Лида, но решила, что это ей почудилось: с чего бы это Косте вдруг ее жалеть?

– Может, тебе и вправду идти не надо, – покладисто кивнул он. – А я все-таки схожу.

– Да зачем?! Почему?!

Костя был человеком на редкость терпеливым и, как рассказывала Женя, из себя практически никогда не выходил. Единственным признаком раздражения и злости было у него то, что он иногда вдруг прикрывал глаза на несколько мгновений.

Вот и сейчас Костя вдруг прикрыл глаза, а потом взглянул на Лиду и терпеливо так объяснил:

– Затем, Лидочка, что, пока ты по границам своим раскатывала, мы с Серегой соседями были. Соседями и друзьями. А мать ему в КПЗ первые передачи носила вместе с твоей тетей Симой. Понятно? Я не в упрек тебе говорю, – тотчас спохватился добродушный Костя, увидав, как исказилось Лидино лицо. – Только ты Серегу успела уже забыть. Не твоя вина, понимаю, так жизнь сложилась. А мы его помним. И еще... ты извини, может, не мое дело такие вещи тебе говорить, но... Но ты все же вспоминай иногда, кого он на тот свет отправил.

Несколько секунд Лида не могла справиться с голосом, но наконец все же ухитрилась кое-как выдохнуть:

– Откуда ты знаешь?

Костя быстро вспыхивал и быстро остывал: сейчас лицо его имело виноватое выражение:

– Мать сказала.

– Понятно... – пробормотала Лида, отводя глаза.

Ну да, она так и знала, что тетка непременно кому-нибудь проговорится о той постыдной, давней-предавней истории. Еще ладно, если известно обо всем стало только Поливановым, а ну как весь дом судачил насчет того, что Серега Погодин вдруг, спустя пятнадцать лет, взял да и рассчитался с сукиным сыном, который однажды едва не изнасиловал Лиду – тогда еще совсем девочку? Мало-де было Сереге, что он еще тогда избил Майданского-младшего чуть не до смерти – вдруг, через столько-то лет, вновь разыграло ретивое, и на сей раз пакостник не ушел живым.

Чепуха, конечно. Сергей отлично знал, что та позорная история давно перестала иметь для Лиды значение. Ведь Майданскому ничего не удалось с ней сделать! Ну, напугал он ее, это точно... ну и что? Вломил ведь ему Серега по первое число – и этим словно бы перечеркнул несвершившуюся беду. А Лида вообще очень хорошо умела забывать о неприятностях – тем более если на смену старым приходили новые. А со дня замужества с Виталием этих неприятностей на нее валилось – успевай только считать! И работать во Францию она уехала не оттого, что спасалась от тягостного прошлого, она бежала от мучительного настоящего!

Да, что и говорить – когда она узнала, кого именно убил Сергей, сразу мелькнула пугающая мысль, что здесь не обошлось без старой раны, зиявшей между ним и этим негодяем Майданским. Но она даже вообразить не могла, что об этом говорят, судачат соседи, что ее, выходит, косвенно обвиняют в случившемся...

Ладно, все это чепуха. Подумаешь, ну, посудачат о ней – не привыкать стать! Все ее счеты к Майданскому – это тако-ой плюсквамперфектум, что и думать о нем не стоит. Куда важнее сейчас убедиться, что Сергея в авдюшкинском старом доме нет и никогда не было!

Однако он оказался именно там.

Видимо, и правда соседи куда лучше знали ее сводного брата, чем сама Лида...

Костя торил тропу всем телом: маленькая лопатка в таких сугробах оказалась практически бесполезной, изредка приостанавливаясь, снимая вязаную шапчонку и вытирая лицо. Лида тащилась следом, испытывая одно желание: снять с себя вообще все. Слишком тепло оделась. Все, что она могла сейчас, – это стащить дубленку и расстегнуть обе кофты. Но стоило остановиться, чтобы попытаться откопать калитку, как мороз начал доставать до всех вспотевших местечек, и она опять оделась.

Кое-как дорылись до основания калитки, кое-как сдвинули ее – чуть-чуть, лишь бы пробраться во двор, ну а тут дело пошло чуть легче: от основных снежных валов дом заслонял палисадник. Проваливались уже не по пояс – только по колено. Ох уж эти нижегородские снегопады... Как разбушуется стихия – нет на нее угомону!

Костя долго чистил крыльцо. Лида, отупевшая от усталости и недобрых предчувствий, которые наконец-то начали ее мучить, смотрела на дверь, чувствуя, что там чего-то не хватает. Не сразу дошло: не хватало замка. Значит...

– погоди теперь, не ходи, – непререкаемым тоном заявил Костя, потянув на себя створку и убедившись, что она не заперта изнутри. – погоди, сказал! – рявкнул так, что Лида, вздумавшая было послушаться, словно примерзла к ступенькам.

Костя вошел. Какое-то время она слышала гулкий топот его валенок по застывшим половицам сеней и кухни. Потом стало тихо. Потом... потом она вдруг услышала голос! Костя с кем-то разговаривал – сначала тихо, потом все более сердито.

«Нашел! – так и ахнула Лида. – Он нашел Сергея! Наверное, тот пьяный, спит там в холоде, вот Костя его будит и бранит!»

Она вбежала в дом, распахнула дверь кухни и сразу уловила какой-то особенный запах – дыма и стужи. У нее сжалось сердце от этого запаха, тошнота подкатила к горлу.

Прижав к лицу сырую варешку, огляделась. На чистом столе три пустые бутылки из-под «Нижегородской», четвертая наполовину полная. Больше ничего, никакой еды. В кухню зачем-то притащен топчан из комнаты. А, понятно, зачем: на нем лежит Сергей, накрытый старым, до дыр протертым, еще дедовским тулупом, который они держали в сундуке и засыпали нафталином от моли. Запах нафталина примешивался к запаху дыма...

Костя стоял, загораживая собой Сергея, но говорил, оказывается, не с ним, а по мобильнику. Да, трубка была прижата к уху, и Костя выговаривал, почему-то задыхаясь, с трудом:

– Да, думаю, несчастный случай. Думаю, два дня назад. Один. Авдюшкино, Авдюш-ки-но! Дом на самой окраине. Адрес... Да какой тут адрес? Знаете что, мы вас будем ждать около магазина в синей «Ниве». Вы когда приедете? Понятно... Хорошо, будем ждать. Кто мы? Я – его сосед, ну, тут со мной и сестра его. Говорю, один он был, выпил, уснул, а вьюшку слишком рано закрыл. Ладно, сами посмотрите. Все, жду.

Он выключил телефон, сунул его в карман и остался стоять со склоненной головой.

Только тут Лида решилась сдвинуться с места и обойти Костю.

Сергей лежал на спине – руки вытянуты вдоль тела; на груди, обтянутой свитером, – плеер: проводок тянется к наушнику-ракушке. Волосы откинута со лба, белое-белое лицо, слегка улыбающиеся губы, спокойно опущенные веки. Голова его чуть повернута – ровно настолько, чтобы изуродованная щека оказалась прижата к подушке, и Лида видела его четкий профиль с хищным горбатым носом и лбом, который казался подчеркнуто высоким и чистым. Подбородок, и без того сильный, был сейчас еще немного выпячен, и лицо Сергея имело то дерзкое, немного насмешливое выражение, которое Лида так хорошо помнила. Это было обычное его выражение – раньше, давно, восемь лет назад – до их ссоры, до их взаимного отчуждения, ее отъезда – и их разлуки.

Их вечной разлуки...

Боже мой, за эти годы Лида успела забыть, как же красив, картинно красив был ее брат, забыла изысканную лепку его черт, потому что тот человек, который

несколько дней назад пришел к ней и робко попросил приюта в собственном доме, оказался так изуродован, так изможден, что невозможно было узнать в нем былого красавца. Только смерть вернула лицу Сергея то, что отняла у него жизнь!

Она сначала подумала о смерти, а потом только осознала, что Сергей-то мертв. Повела глазами по выстуженной кухне – и взгляд ее сразу ухватил задвинутую печную вьюшку. Эти бутылки на столе... Он опьянел, слишком рано задвинул вьюшку и...

Как же это может быть? Как? Но ведь они даже не успели ни о чем поговорить, она так и не набралась храбрости спросить у него, почему, как так вышло, что он убил Валерия Майданского и угодил в тюрьму?! Она не спросила, что же произошло там, на зоне, что стало причиной его увечья: несчастный случай, злой умысел? Она не успела рассказать ему, как...

– Сережа? – спросила она высоким, дрожащим, детским голосом. – Сережа, ты где?!

Спросила так, словно искала его и не могла найти, – как было раньше, безумно давно, в детстве, когда они играли в прятки в этом самом доме. Здесь тогда еще было электричество, но они нарочно выключали его во всем доме. Только в печке на кухне – в этой вот самой печке! – пляшут красные огоньки за тяжелой чугунной дверкой, пахнет сосновой смолой и горячей пшенной кашей. Тетя Сима уже спит в своей боковушке (она их страсть как любила, эти крохотные комнатенки, и нарочно выгородила такую боковушку даже в городской квартире, в крупноблочных двухкомнатных хоробах), спит крепко-крепко, иногда принимается храпеть, и эти рулады порою даже заглушают треск замороженных дров в печке. Лидочка радуется, когда раздается теткин храп: она знает, что Сережа не может его слышать без того, чтобы не расхохотаться, и прислушивается, наостряет ушки: не донесется ли откуда-то сдавленный хохоток, не выдаст ли, где спрятался брат? Но он сдерживается, молчит, затаился так, словно его и нет нигде вовсе. И Лидочка вдруг воображает, что брат украдкой сбежал – тихонько оделся и подался в соседние Кукушки, например, где танцы в клубе и кино, а потом все идут к девчонкам в общежитие и там занимаются с ними неизвестно чем, так что тетя Сима при одном только упоминании об этом общежитии начинает булькать, как выкипающий чайник...

Брат ушел... но что это шуршит за печкой? Запечник, который вылезет в ночи и начнет навевать страшные сны? Или шорох раздается из подполья? Наверное, сейчас как раз подполянник празднует свадьбу своей дочери, а ведь она была украдена им из колыбели, когда мать оставила ее без присмотра... говорят, подполяники крадут девочек, которые остаются дома одни. А Лидочка сейчас одна!

– Сережка, ты где?! – кричит она, с трудом сдерживая слезы, но они уже звенят в голосе и вот-вот потекут по щекам, и вдруг зловещее шуршанье под полом прекращается, из-под печки выбирается толстенный теткин кот Малофей, а сверху, с полатей, сваливается... Сережка!

– Ну чего ты, ревушка-коровушка? – спрашивает он своим снисходительно-взрослым, невыносимо-противным и обожаемо-родным голосом, беря Лидочку за косичку, связанную калачиком на затылке, и легонько подергивая за нее. Лида подныривает брату под мышку и утыкается лицом в худой бок (ребра пересчитать можно!).

Как хорошо... Как спокойно...

Как давно это было и не вернется никогда! Полати порушены... вся жизнь изменилась бесповоротно! Вот что самое ужасное: не вернуть ничего, и прощения не попросить, и не погладить изуродованное, исстрадавшееся лицо... то есть погладить-то можно, но ведь брат не ощутит ее ласки. И не услышит отчаянного крика:

– Сережка, ты где?!

Не услышит и не отзовется. Ни-ког-да.

Лида почти не помнила, как избыла тот день. Вроде бы Костя не позволил ей остаться возле мертвого брата, увел с собой, в «Ниву», брошенную ими около магазина. Сели ждать. Молчали, молчали... Приехала милиция – скоро или нет, Лида не осознавала. Наверное, скоро, потому что было еще светло, солнце в зените, когда они все вместе, гурьбой, вернулись в теткину избу. Лида пыталась сосчитать, сколько народу приехало, но почему-то никак не могла: оперативников было то двое, то трое, а то вообще пятеро. Они вместе в Костей положили Сергея на две доски и унесли в машину: подъехать-то было

невозможно. Сказали, что увезут в морг, на вскрытие, хотя все в один голос говорили, что и так картина ясная: угорел, мол, парень – перепил и угорел. Может, конечно, траванулся водкой, но, скорей всего, она окажется нормальной, а вот гемоглобин покажет наличие угарного газа... Потом писали какие-то бумаги – тут же, на углу стола. Костя все их читал и говорил Лиде, где ставить подпись, если нужно, – она по-прежнему ничего не соображала.

Удивительнее всего было, что того слова, которое мрачно, тёмно, настойчиво билось ей в уши вместе с толчками взбудораженной крови, мешая слышать все окружающие звуки, – этого слова так никто и не произнес. Лида сначала едва не зарыдала оттого, что приехали какие-то недоумки, которые не видят очевидного: Сережа ведь не просто так угорел по пьянке, он с собой покончил, это ей было сейчас ясней ясного, а Клавдия Васильевна и Константин это еще вчера, выходит, подозревали!

Потом вдруг до нее дошло, что и оперативники, и следователь молчат вовсе не потому, что ничего не видят и не понимают. Они жалели ее – жалели сестру несчастного самоубийцы...

Наконец кто-то объявил, что все дела сделаны и пора уходить. А жуткое слово «самоубийство» так и не было произнесено.

Ушли все, кроме следователя да Кости с Лидой. Прошлись еще раз по комнатам, проверили, все ли заперто. И уже перед самым уходом заметили под диванчиком плеер – тот самый, незаметно соскользнувший с груди Сергея.

Костя его поднял. Следователь открыл его, увидел, что внутри стоит кассета. Перемотал пленку – она была короткая, такое впечатление, всего на пару-тройку записей, включил, вложив в уши «ракушки», предварительно протерев их – не без брезгливости – носовым платком.

Изумление на его лице сменилось странной тоской, а потом каким-то озлобленно-трогательным выражением.

– Да так, ничего особенного, – сказал он, выключая плеер. – Песня душевная. Плеер я заберу – мало ли, вдруг это вещдок. В протокол его внесли, не помните?

– Внесли, – кивнул Костя. – Погодите, а что там за песня?

– Послушайте, – разрешил следователь.

Костя приложил к ушам «ракушки», и Лида уставилась на его лицо. Она постепенно выходила из ступора и сейчас вдруг с неожиданной остротой осознала, что видит на лице Кости ту же смену выражений, какую наблюдала только что на лице следователя.

Странная ревность одолела ее. Что узнали эти мужчины о ее мертвом брате – чего еще не знала она? Что за музыку слушал он? Раньше, помнится, любил «Машину времени», «Энигму», «Бони-М» и Розенбаума, а еще Чайковского любил, «Лебединое озеро» и Первый концерт для фортепьяно с оркестром. Кого из них позвал Сережа, чтобы сопровождали его в последний путь?

– Может, послушаешь, Лида? – Костя протянул ей плеер.

Она взяла, прижала магнитофончик к себе – неужели его заберут? Он потеряется там, в милиции, не исключено, его кто-нибудь присвоит, а вообще-то его можно положить в могилу с Сережей. Мысль о грядущих похоронах брата стала уж просто каким-то coup de grace[2 - Последний удар, решающий удар, убивающий удар – фехтовальный термин (фр.).] – контрольным выстрелом, понынешнему выражаясь. Чувствуя, что если сейчас расплечется, то уж не сможет остановиться, Лида с силой воткнула в уши «ракушки», с силой нажала на play.

Короткий проигрыш – и зазвучал женский голос, чуть хриловатый, словно бы сорванный, неровный, тревожный:

Кружится снег – зима пришла опять,

Закат в крови – и жизнь к закату мчится.

Теперь настало время вспоминать

Тебя, моя прекрасная волчица!

Настало время вспоминать теперь

Тебя, царица, в тысяче обличей.

Матерый волк, вожак, отважный зверь

Всегда считал тебя своей добычей.

И лебеди летели на восход,

И клекот ястребиный в небе таял,

И мчался по реке последний лед —

И я увел тебя из волчьей стаи.

Навеки отражен в глазах твоих,

Навеки опьянен тобой, волчица...

Мы обрели свободу для двоих

И поклялись навек не разлучиться.

Опять пришла зима белым-бела.

Я одинок в снегах земного круга.

Скажи, зачем судьба нас развела

Так далеко-далёко друг от друга?

С тех пор я навсегда в твоём плену.

Взошла луна. Снег под луной кружится.

И волчья стая воет на луну...

Я умираю, красная волчица!

20 декабря 2002 года

Лида продолжала нажимать на кнопку, словно боялась, что лифт не послушается и поедет назад, к этому черному мрачному взгляду исподлобья, к этому твердому рту и чуть подавшейся вперед в нетерпеливом ожидании фигуре убийцы.

Мельком удивилась, что Лола не возмущается, почему это ей не дали выйти из лифта. И вдруг заметила, что она тоже давит на кнопку – правда, не пятого, а четвертого этажа.

«Что-то забыла?»

Спрашивать Лида не стала – боялась не справиться с голосом. Да это и неважно было.

Четвертый этаж. Лола выскочила и, не простившись, не сказав ни слова, побежала по коридору мимо очереди дверей. Лида снова нажала на кнопку с цифрой «пять», подумав при этом, что внизу на табло сейчас высветилась четверка, и если убийца вздумает ее выслеживать, то искать будет именно на четвертом этаже. Небось решил, что она поехала туда...

Лидино воображение, подстегнутое страхом, вышло из-под контроля. Сейчас ей казалось возможным все самое невероятное: вот убийца отшвыривает в сторону охранника, который пытается его остановить, и даже выпускает в него пулю, то же делает с другим охранником, выбежавшим на шум из подсобки, перескакивает через турникет – и кидается к лифту.

Нет, лифт надо еще вызвать и дождаться, это долго. Он распахивает стеклянную дверь, ведущую на лестницу, и мчится через две, три ступеньки, хватаясь за перила и швыряя тело вперед и вверх, так что движется быстро, быстро, быстрее и не бывает... как пуля!

Пятый этаж! Лифт остановился, дверцы распахнулись. По Лидиным расчетам, убийца был сейчас где-то на втором этаже, может быть, приближался к третьему. Пока доберется до четвертого, пока обежит его, пока удостоверится, что жертва ускользнула... У нее есть пара минут!

Выскочила из лифта и, бросив затравленный взгляд в сторону стеклянной двери, ведущей на главную лестницу, побежала по периметру этажа, приближаясь к обычной неприметной двери, над которой в былые времена светилась надпись «Запасной выход», а потом лампочка перегорела, вкрутить новую руки ни у кого не доходили годами, поэтому о том, что существует еще одна лестница, знали только старожилы студии, ну и народ особо любопытный. Вроде Лиды

Погодиной.

Лестница выводила не в вестибюль студии (хотя, если убийца оттуда убежал, там, может быть, как раз безопасно, а ну как не убежал, а ну как караулит по-прежнему?!), а во внутренний двор, где стояли гаражи и технические постройки. Ворота этого двора были всегда заперты, однако Лида не сомневалась, что как-нибудь выберется. Вроде бы в ангаре, где стояла громадная неуклюжая ПТС (передвижная телевизионная станция), есть калитка, которая выходит на боковую аллею парка Пушкина. Лида уговорит дежурного ее отомкнуть, уговорит непременно, но сначала надо туда добраться!

Она рванула дверь запасного выхода, выскочила на площадку и кинулась вниз по ступенькам. И пробежала не меньше этажа, прежде чем расслышала сквозь свое запаленное дыхание частую дробь чужих шагов.

Ноги подогнулись. Как она не подумала, что на четвертом этаже тоже есть выход на эту же самую запасную лестницу! И там-то, над дверью, кажется, табличка в порядке. Убийца обежал этаж и мигом смекнул, что жертва попытается спастись через черный ход.

И теперь бежит вниз, чтобы отрезать ей путь к спасению!

У Лиды подогнулись было ноги, но в этот миг логичность мышления, всегда бывшая ее самым сильным качеством и непременно помогавшая в трудные минуты жизни, робко приподняла задавленную слепым, безрассудным страхом голову и спросила: «А не глупость ли это?» В смысле, не глупость ли – бежать убийце вниз, вместо того чтобы перехватить жертву на лестнице? Ведь если беглянка почувствует опасность, то запросто улизнет на тот же четвертый этаж, или на третий, или на второй, а тогда успеет выбраться из студии прежде, чем терминатор местного разлива спохватится!

А может, это вовсе даже и не он несется там впереди?

Лида приостановилась и свесилась в пролет. И в ту же секунду различила внизу тонкую руку, сжимающую красные варежки и скользящую по перилам. И поняла, кто это, еще прежде, чем снизу на нее поглядело бледное личико Лолы.

При виде Лиды она замерла, повисла на перилах, с усилием переводя дух, и Лида через минуту поравнялась с ней. Темные, яркие глаза Лолы казались огромными на помертвевшем лице, взгляд испуганно метался, алый рот приоткрылся, и Лида с привычной завистью подумала, что Лола обладает редкой красотой: ее не портит даже испуг, даже следы недавно пролитых слез, у нее даже веки после рыданий не опухли, и макияж умудрился каким-то непостижимым образом не размазаться! Она была гораздо больше похожа не на перепуганную женщину, а на актрису, которая играет перепуганную женщину.

А между прочим, с чего бы это Лоле пугаться?..

И стоило Лиде подумать об этом, как логика вновь высунула голову из-под пуховых подушек страха и спросила: «А зачем этот кошмарный парень, от которого ты так панически спасаешься, вообще притащился на студию? Почему, если он так уж обуреваем желанием убить тебя, не сделал этого там, в квартире Ваньки с Валькой, тихо и спокойно, без риска, без посторонних, а собирался учинить смертоубийство на глазах охранника и Лолы? Спыхватился, что оставил свидетельницу, которая видела его и может описать? Не поздновато ли спыхватился? И вообще, откуда он узнал, где ты работаешь? А может быть, он пришел на студию вовсе не за тобой? А за кем тогда?..»

И тут догадка ужалила ее, как пчела!

– Лола, кто этот парень? – спросила она как бы между прочим.

Лола споткнулась и кубарем покатилась бы с лестницы, если бы не успела ухватиться за перила.

– Како-ой па-арень? – простонала она, заикаясь, таким голосом, словно преодолевала дурноту, подступающий обморок.

– Тот, который ждал около лифта. Тот, от которого ты бежишь. Кто он такой? – настойчиво повторила Лида.

Какого угодно ответа она ждала, только не того, который последовал!

– Это мой жених, – упавшим голосом сказала Лола.

Ее жених?!

Теперь настала очередь спотыкаться Лиде... На счастье, они были уже на первом этаже, так что ноги переломать она не рисковала. Здесь не горела лампочка, и дверь пришлось искать на ощупь. Кое-как, мешая друг другу и сталкиваясь руками, нашарили ручку, кое-как сообразили, куда ее поворачивать, чтобы открыть, – и наконец-то выскочили во двор.

– Гос-споди, – простонала Лола, – какой колотун! Побежали скорей!

Девушки ринулись по двору, причем Лола чуть впереди, а Лида отставала, не зная, чему больше дивиться: тому ли, что Лола ее ни о чем не спрашивает, как бы априори допуская, что ее жених – сущее пугало, от которого должны кидаться врассыпную все нормальные люди; то ли тому, что эта молодая актриса, гость на студии телевидения редкий, так хорошо знает местные закоулки. Сначала запасную лестницу отыскала, а теперь безошибочно ведет Лиду к тому самому хитрому гаражу, в котором имелся выход в парк Пушкина... Что характерно, Лоле даже не пришлось стучаться, спрашивать у кого-то разрешения: с уверенностью завсегдатая она отыскала какую-то дверцу, пробежала по темному, гулкому, выстуженному, пахнущему бензином помещению, в центре которого громоздилась громадная, застывшая ПТС, и мгновенно нашла нужную дверь. Та была заложена могучим засовом, словно ворота какого-нибудь амбара, однако Лола, поднатужившись, смогла его отодвинуть – и через минуту они выбежали на тропку, ведущую куда-то в глубь парка.

Лида оглянулась: дверь-то в гараж осталась незапертой! По идее, надо бы сообщить об этом охране, но как это сделать, интересно? По телефону позвонить? Но свой мобильный она сегодня забыла дома, а у Лолы неизвестно, есть он или нет. Можно спросить... но слишком многое надо было Лиде спросить у этой загадочной красотки, чтобы тратить время на какой-то мобильник!

Ладно, доберется до дому и позвонит на студию. Авось ничего страшного в третьем часу ночи тут не произойдет. А произойдет – ну что ж, сами хозяйева виноваты, надо покрепче двери запирать. Чтобы две ошалевшие от страха девицы не смогли с ними справиться!

А вот, кстати, – насчет ошалевших от страха... Созрел первый вопросик для Лолы: с чего это она так перепугалась, увидев любимого жениха?

Но спросить Лида не успела, Лола ее опередила:

– Слушай, ты в верхней части живешь?

Вопрос для аборигенов не праздный. Нижний Новгород разделяется на две части: верхнюю, расположенную преимущественно на довольно высоких Дятловых горах над Окой, а также над местом ее слияния с Волгой, и нижнюю, называемую еще Заречной и занимающую низину между двумя реками, от знаменитой Стрелки до Волжского железнодорожного моста. В верхней части находятся все вузы, в том числе и университет имени Лобачевского, кремль, музеи, центральная улица Покровка, площадь Минина и Пожарского, элитные дома, Верхневолжская набережная – любимые места скоплений нижегородцев. Что характерно, Нижневолжская набережная, регулярно затопляемая при весенних разливах, тоже считается принадлежностью верхней части города. Такой вот топографически-географический парадокс. То есть верхняя часть – это все правобережье. Нижняя часть, левобережная, – это площадь Ленина, Сормово, автозавод, Московский вокзал, Канавинский базар... Жизнь в той или иной части города проводит между нижегородцами-снобами (а с некоторых пор в этом чудном городе завелись и такие – с подачи москвичей!) и остальными жителями незримую, но достаточно четкую грань. Впрочем, и снобы полагают, что уж лучше жить в самом захудалом районе нижней части Нижнего, чем в области. Но так думают все на свете горожане!

– Ну да, в верхней, – ответила Лида. – На Полтавской. А ты?

– В Гордеевке, – махнула рукой Лола (микрорайон Гордеевка находится за Московским вокзалом – то есть в нижней части города). – Туда сейчас не добраться. Да и боюсь я... – Она оглянулась на высоченную телевышку, нарядно перемигивающуюся огоньками, словно новогодняя елка, и вдруг схватилась за Лиду обеими руками: – Слушай, пусти до утра перекантоваться, а? А то мне хоть в сугробе ночуй. Денег нет, да и боюсь я домой возвращаться!

Лида терпеть не могла таких случайных ночевальщиков. После случившегося с Сергеем она жила одна, совершенно одна, и гостей своих всегда старалась выпроводить пораньше, пока еще ходил транспорт, а в крайнем случае –

вызывала им по телефону такси. Строго говоря, она могла и сейчас махнуть какой-нибудь проезжающей мимо машине, сунуть шоферу сотню и спровадить безденежную актрисульку в ее Гордеевку. Она, в общем-то, почти так и поступила: проголосовала бродячему такси, но вместо Гордеевки велела ехать на Полтавскую и отделалась не сотней, а всего лишь пятьюдесятью рублями. Все равно обдираловка: езды от телецентра до Полтавской по Белинке – ровно три минуты. Она поступилась принципами потому, что вопросы Лоле все-таки не были еще заданы. А Лиде надо непременно выяснить, связан ли ужас Лолы перед явлением жениха с тем жутким происшествием, которое приключилось утром с Ванькой и Валькой? Иначе говоря, известно ли ей, что именно этот остроглазый мрачный тип стрелял в главных героев «Деревеньки»? Это вопрос первый и главный. Второй же связан с личностью жуткого жениха. Лиде до зарезу надо было знать, кто он: профессиональный киллер или обыкновенный провинциальный Отелло? Еще ей требовалось выяснить его домашний адрес и телефон...

Если кто-то думает, что она намеревалась отнести эти сведения в милицию и помочь оперативникам в розыске человека, покушавшегося на Ваньку с Валькой, то он глубоко ошибается.

10 апреля 2002 года

Не раз и не два было замечено, что все самое важное происходит в жизни случайно. И если проследить ту цепочку, которая вела к событиям, ставшим в твоей судьбе определяющими, поразишься, с какой мелочи, ну просто-таки с ерунды все началось! Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда... Вот именно: когда б мы знали, из какой ерунды раздувается иной раз вселенский пожар, опаляющий наши лица... и лица тех, кто рядом с нами!

Все уже осталось позади: и Сережины похороны (единогласное решение следствия было: смерть в результате несчастного случая – после алкогольного опьянения и отравления угарным газом), и девятины, и сороковины, и Лида постепенно снова начала привыкать к своей размеренной одинокой жизни. Но тут в нее ворвалась «Деревенька», и пришлось подстраивать свои дела под расписание трактов (Саньч требовал непременно присутствия на них сценариста, понятия «не могу» для него просто не существовало), опаздывать

из-за этого на лекции или вообще переносить их (Лида вела факультативный курс русской демонологии в университете – практически бесплатно, из любви к искусству, как говорится), писать не просто когда и что хочется, а то, что нужно Саньчу в данный конкретный момент. Порою то, что он одобрял вчера, сегодня казалось ему никчемным бараклом, поэтому Лида вскоре привыкла просыпаться от его безумных звонков в половине пятого утра и, путаясь в халате и остатках сна, срочно падать за компьютер и переделывать уже принятую сцену. Надо было встречаться со спонсорами передачи... В принципе, их брал на себя Саньч, но отчего-то эти новорусские скоробогачи становились гораздо податливее и щедрее, когда болтливый телевизионный хиппарь приводил с собой молчаливую, сдержанную, порою надменную, порою откровенно высокомерную, красивую Лидию Погодину – типа, писательницу, кандидата наук, в натуре, чисто интеллигентную, конкретно, местную знаменитость! Короче, выпадали дни, когда она себя не помнила из-за суеты. Воистину, довлеет дневи злоба его! И вот как-то раз, за кофе, одним глазом заглянув в программу телепередач, Лида увидела анонс фильма, который она давно хотела посмотреть. Это были голливудские «Опасные связи». И, конечно, – вот свинство! – он шел по местной программе ННТВ именно в то время, когда была назначена запись очередной «деревеньковской байки».

На счастье, у Лиды имелся видеомэгнитофон, который, само собой разумеется, можно было запрограммировать на какое угодно время. Но именно тогда, когда она обозначала часы и минуты начала фильма, за спиной раздался телефонный звонок. От неожиданности палец въехал в единицу вместо двойки, Лида этого не заметила. Так вот и получилось, что видеомэгнитофон включился на десять минут раньше, и перед фильмом записалось несколько рекламных роликов.

Усевшись на другой вечер – свободный, домашний, не «деревеньковский»! – на диван и включив видак, Лида, конечно, сразу поняла, что ошибочка вышла, но делать было нечего – и она терпеливо разглядывала какой-то кабинет с огромными хризантемами, стоящими в вазе почему-то на верхушке книжного стеллажа, письменный стол, за которым сидела улыбающаяся красивая женщина; темноватый зальчик, столики, задвинутые в полутемные, уютные ниши, стойку бара, чуть-чуть приподнятую над полом эстраду, каких-то девиц и парней, которые выплясывали под музыку, изувеченные рубящими лучами стробоскопов.

«Ночной клуб, что ли, новый открылся?» – устало подумала Лида. Потом на сцене появился худенький трогательный парнишка лет двадцати, не больше, с

ворохом соломенных волос, стянутых на затылке: парнишка брэнчал на гитаре; потом мелькнула высокая женская фигура в красном длинном платье и с длинными красными же волосами. В руке у нее был микрофон – кажется, она пела, Лида удивилась, узнав ту же красивую женщину, которая сидела за письменным столом: видимо, она была и директором клуба, и выступала в нем. Хорошо поставленный мужской голос зазывал всех нижегородцев и «гостей нашего города» в новый ночной клуб (Лида похвалила себя за догадливость), который открылся на Рождественской улице, недалеко от знаменитого «Барбариса», и назывался «Красная волчица».

Как? Что такое?!

Лида нажала на stop, перекутила пленку на начало и снова просмотрела ролик.

После него прошла еще какая-то реклама, потом начался фильм, который она так мечтала посмотреть, но Лида не видела ни блистательного Джона Малковича, ни юного красавчика Киану Ривза, ни порочно-хорошенькой Умы Турман, ни кого-то другого из знаменитых актеров, снятых в этой лучшей из экранизаций романа Шодерло де Лакло. В конце концов она выключила телевизор.

Ладно, фильм от нее не уйдет! А вот «Красная волчица»...

Красная волчица! Песня, которую слушал Сергей в последние минуты своей жизни!

Плеер и пленку ей, конечно, не вернули, но именно об этой потертой старой кассете она жалела куда больше, чем об изделии великих Panasonic'ов. Все это время подспудно размышляла: почему из великого множества мелодий и песен Сергей выбрал именно эту? Что значила она для него? И что за странное словосочетание – «красная волчица»?

Лида была девушка дотошная, она посмотрела в энциклопедию и узнала, что красными волками называются китайские степные волки, имеющие рыжий оттенок шерсти, но все же рыжий, а не красный! Однако Лида вспоминала свой сон... Накануне того дня, как она узнала о смерти Сергея, она видела красную волчицу, даже двух. Теперь Лида не сомневалась, что этот сон возник не просто так – ей послал его именно умерший брат. И вот, оказывается, в Нижнем

существует еще какой-то человек, для которого это сочетание слов – красная волчица – столь же знаменательно, как и для Сергея, а потом и для Лиды. Или это просто совпадение?

Так или иначе, она должна была все выяснить досконально.

Не столько ради Сергея, сколько ради себя.

Между прочим, до чего странная вещь – эти родственные чувства! Откуда что берется и куда девается? Как уже говорилось, Сергей был Лиде сводным братом: Николай Погодин женился на Марии Вересовой, будучи вдовцом с семилетним сыном. Маша три года воспитывала Сережку как родного, потом родила дочку Лидочку. Когда той было шесть, а Сереже, стало быть, шестнадцать, родители погибли – уехали отдыхать в Грузию и во время экскурсии по Военно-Грузинской дороге попали под лавину.

На дворе стоял 1976 год. Николай Погодин хорошо зарабатывал – он был ведущим инженером на военном заводе, а начинал вообще в Магадане, где в те советские времена платили бешеные деньги. Поэтому у сирот остались квартира, машина, очень неплохие сбережения. Мгновенно повзрослевший Сергей вызвал из деревни тетку – сестру отца – и поручил ей Лиду. Тетя Сима поворчала, конечно, что придется бросить хозяйство, но детей она очень любила, поэтому смирилась с тем, что превратилась из деревенской жительницы в городскую дачницу. Под ее ласковым приглядом, не больно-то стесненные в средствах (обоим до совершеннолетия полагались пенсии за погибших родителей, да и отцовы сберкнижки позволяли стоять на земле уверенно, деревенский огород обеспечивал их продуктами), ребята окончили школу, занимаясь, чем хотели: Сергей – баскетболом, плаванием и стрельбой; Лида – французским языком, танцами, музыкой, да еще она ходила в фольклорно-музыкальный кружок «Рябинка» при областном Доме фольклора.

Там-то и приключилась с ней история, о которой до сих пор было тошно, стыдно, погано вспоминать... тем более, если послушать соседей, история эта стала поводом к трагедии Сергея.

В те блаженные советско-патриархальные годы детское творчество процветало и поощрялось. Фольклорно-музыкальный кружок пользовался жаркой любовью

первого секретаря обкома партии, который был родом не из Нижнего, а из области и вообще увлекался краеведением. С легкой руки «первого» фольклорный коллектив поощряли все, кому не лень. Его беспрестанно посылали на разные слеты, приглашали выступить перед «высокими гостями» (был в ту пору такой официальный термин), без него не обходился ни один праздничный концерт в Нижегородском кремле. Разумеется, идеологическая направленность танцев, песенок и драматических сценок непременно курировалась свыше – по принципу, как бы чего не вышло. Тогда вообще все на свете курировалось. Может, в этом и был смысл... Короче, среди прочих надсмотрщиков, приставленных к «Рябинке», был молодой инструктор отдела культуры обкома комсомола Валерий Майданский. Был он партийцем потомственным: его отец работал завотделом культуры обкома партии, и Валерий считался кадром сугубо проверенным, доверенным и серьезным. Однако никто не знал, что двадцатипятилетний инструктор питал патологическую слабость к девочкам-подросткам – тем, кого Владимир Набоков называл нимфетками. Ни о каком Набокове Валерий Майданский, понятное дело, и слыхом не слыхал: книги этого «белогфардейца» были в то время под запретом, да и вообще, чтение было его слабым местом, Валерий больше увлекался парными телодвижениями под музыку, однако длинноногие и длиннорукие, по-щенячьи неуклюжие девчонки приводили его в исступление, сходное с тем, которое испытывал Гумберт по отношению к Лолите. Лида Погодина, задумчивая и отстраненная, высокомерная недотрога, которая в наш суетный мир словно бы заглядывала по необходимости, пребывая, как правило, в мире собственном, далеком отсюда, распалила воображение Майданского так, что он совсем перестал владеть собой. И однажды после комсомольского слета, на котором выступала «Рябинка», изрядно подвыпивший инструктор поймал Лиду в укромном закутке ТЮЗа (там проходил слет, там же были накрыты щедрые столы для его участников), в одном из многочисленных и довольно глубоких «карманов» сцены, прижал ее к себе и принялся целовать и тискать. Совершенно ошалелая от изумления и страха, Лида минуту или две не сопротивлялась. Валерик распалился донельзя, воспринял это как зеленый свет и повалил девчонку на грудь какой-то мягкой бутафории. Он уже задрал ей юбку и начал стаскивать колготки, когда Лида очнулась и завизжала так, что пыл Валерика угас, а страсть сменилась страхом. Не дожидаясь, пока сбегутся люди, он выпустил девочку и спрятался среди декораций, откуда потом незаметно выбрался в зал – как ни в чем не бывало.

А Лида между тем кинулась бежать. Дело было зимой, в январе, в двадцатипятиградусный мороз, однако она выскочила на улицу как была – в танцевальных туфельках, ситцевом сарафане и батистовой рубашке, начисто

забыв про шубку, – и пробежала так через площадь Свободы, Театральный сквер и два длинющих квартала улицы Белинского, ворвалась домой и потеряла сознание на руках открывшего ей Сергея. Ей было тринадцать, ему – двадцать три, парень был уже опытный и сразу понял, что именно напугало сестру. Сообразил он также, что самого страшного не произошло, а потому остановил тетку, порывавшуюся звонить в милицию и «Скорую помощь», и взялся сам приводить Лиду в чувство. Дождался, пока она открыла глаза и расплакалась – значит, напряжение ее отпустило, – спросил одно только:

– Кто?

Видимо, такой был у него голос, что Лида мгновенно перестала плакать и назвала своего обидчика.

Сергей, внешне совершенно спокойный, оделся и ушел в ТЮЗ. Громкого скандала он не хотел: боялся опозорить сестру, пойдут разговоры – не остановишь, а у нее жизнь впереди. Поэтому дождался, пока комсомольцы наелись, напились и стали расходиться, пристроился к полупьяному Валерику (тот уже успел забыть смертельно напуганную девчонку: снял напряжение с какой-то штатной давалкой в том же «кармане», и теперь ему было море по колено) и проводил его до дома. Но, войдя вслед за ним в подъезд, подняться на этаж ему не дал: отметелил так, что Валерик остался без передних зубов – как нижних, так и верхних, – потом приказал раздеться до трусов (Сергей был брезглив!) и заставил сдать стометровку тут же, вокруг дома, босиком по снегу. Затем закопал парня в сугроб – чтобы охладился малость! – и, постояв над несчастным маньяком минут пять, спокойно ушел.

Самое поразительное, что эта история не имела вообще никакого продолжения. Сергей отлично понимал, что Валерий его узнал – да он и не прятал лица, не скрывал от пакостника, за что свершается над ним эта месть, – но при всем при том он был убежден: Майданский не осмелится и слова пикнуть против него. Им приходилось пересекаться и раньше в молодежных компаниях, где за Сергеем утвердилась слава абсолютно бесстрашного, рискованного человека, который на спор хоть бутылку шампанского выпьет, сидя на подоконнике четвертого этажа (как Долохов), хоть расколотит окна в пикете милиции на площади Минина – центральной площади города, хоть въедет на мотоцикле в университетский корпус (Сергей учился на радиофаке), когда там идет торжественный митинг, посвященный... да чему угодно посвященный, хотя бы первому выступлению римских рабов против патрициев под интернациональным лозунгом «Хлеба и

зрелищ!». Майданский отлично знал репутацию Сергея и понимал, что, если решит пожаловаться партийному отцу и напустит на мстителя местных ментов, Погодин тоже молчать не станет. И уж тогда Валере Майданскому мало не покажется. А если еще при этом всплывут и прежние грешки любителя маленьких девочек, заботливо прикрытые отцом и его приятелями из областного УВД...

Короче, в ту безумную ночь Валерий притащился домой и сказал, что его били не-знаю-кто-не-знаю-где-не-знаю-почему. Сломанный нос ему выпрямили, зубы вставили, благоприобретенную в сугробе пневмонию вылечили и перевели на работу в отдел строительства обкома комсомола. Завотделом. То есть повысили в должности.

Вскоре Валерий, человек вообще-то легкий и не отягощенный особым умом (про таких в народе говорят: «Думает не головой, а головкой!»), забыл и Лиду Погодину, и ее опасного братца. Или почти забыл. При всей своей дурости он был немного философом и понимал, что пострадал за дело и еще легко отделался. Ведь Сергей мог его вообще убить...

Уж не предчувствие ли вешее его посещало? Но если даже и так, Валерий был слишком самоуверен, чтобы прислушиваться к каким-то там предчувствиям!

Нижний Новгород – город не бог весть какой большой, но все же и не столь маленький. Здесь можно годами не видеть старых знакомых – особенно если не стремишься с ними встречаться и вы возвращаетесь в разных сферах. Особенно если страна в это время вдруг пошла вразнос и надо пытаться как-то усидеть в этой полуразбитой колеснице. Каждый думал о себе, и было не до старых обид и старых счетов.

Во время павловской реформы остатки сбережений Николая Погодина, заботливо оберегаемые его сестрой, превратились в нечто эфемерное. Лида в это время доучивалась на филфаке университета и уже была замужем за Виталием Приваловым, своим другом детства (они когда-то вместе занимались еще в том приснопамятном фольклорно-музыкальном детском коллективе). Вместе с мужем и его приятелем Иннокентием Корневым они организовали первое в Нижнем Новгороде частное издательство и попытались наводнить рынок той литературой, которую все трое любили больше всего на свете: сказками.

К сожалению, это было время всеобщего беспредела. Тот, кто помнит, меня поймет, а кто не помнит, все равно не поверит. «Лимонные» состояния (это никакая не метафора, ибо деньги в ту пору были такие – миллионы-«лимоны») наживались и исчезали за один день, а то и за час. Получить товар от поставщика и не заплатить – вошло в норму, это называлось «кинуть». Фальшивые накладные, фальшивые авизо, фальшивые договоры и ордера... Финансовые пирамиды, обман на каждом шагу, полный беспредел, полуматерное слово «плюрализм», как девиз жизни... Зазвучали первые контрольные выстрелы, профессия киллера вошла в моду, а самыми авторитетными и значимыми людьми стали воровские «авторитеты». Они определяли цены, моды, политику (хотя нет, политику страны определяло ЦРУ!), музыкальные и литературные пристрастия, стиль жизни и стилистику речи.

Это было безумное время... Впрочем, почему было? Оно и теперь продолжается, просто мы к нему малость приспособились, привыкли, стали воспринимать как норму то, от чего раньше падали в глубокий обморок, умирали от инфаркта или травились выхлопными газами в автомобиле.

Но вернемся в 1991–1992 годы и в Нижний Новгород. Издательство «Ребус», руководимое Лидой Погодиной, Виталием Приваловым и Иннокентием Корневым, распродало сотысячные тиражи своих сказок по городам и весям и теперь тратило целые состояния на телефонные переговоры, пытаясь выколлотить деньги из недобросовестных плательщиков. Как назло, именно в это время полным ходом шел распад Союза, намечался распад России, «самостийные и незалежные» страны Балтии, Грузия, Украина, Казахстан и иже с ними плевать хотели на какое-то там нижегородское издательство, которое мечтало получить свои кровные. Отдельные, особо мечтательные футурологи грезили о создании Дальневосточной республики. А потому один из покупателей сказок, сахалинский предприниматель Игорь Малышкин, решил не выбиваться из стаи и кинуть этих волжских лохов на двадцать пять тысяч долларов.

Сумма-то, может, была и не бог весть какая... но дело в том, что ее взял в долг Иннокентий у каких-то очень серьезных мужиков. Трудно было поверить, что с ним сделают именно то, что грозились, однако приятели все же решили подсуетиться и начали ездить по неправомерным должникам с просьбой вернуть деньги. Поездки в Киев и Ташкент толку не принесли. Грозный вообще разучился говорить по-русски. Однако на Сахалине Виталию неожиданно повезло. Он выдрал-таки из Малышкина – то ли подобрешего, то ли усовестившегося, то ли напугавшегося при виде «варяжского гостя» – всю сумму долга и полетел домой.

Однако при пересадке в Красноярском аэропорту деньги у Виталия были отняты какими-то лихими людьми, так что он вернулся домой с дрожащими руками, ножевым порезом на боку и прорезанным же карманом куртки. Разумеется, пустым...

История в то время совершенно типичная, никого не удивившая, и последствия она, увы, имела тоже типичные. И кошмарные.

Через неделю после возвращения Виталия Иннокентий, который не вернул в срок долг, был избит до полусмерти и чуть не полгода провел в больницах. Его беременная на пятом месяце жена была так напугана случившимся с мужем, что у нее случились преждевременные роды, и она умерла от болевого шока.

Но эти страшные события проходили как бы вдали от Погодиных-Приваловых, потому что Лида немедленно после возвращения мужа с Сахалина заявила о своем намерении развестись с ним.

О причинах этого она ни брату, ни тетке не сказала. Просто вернулась в свою прежнюю квартиру и попыталась жить, как жила прежде. Однако это не получилось, потому что Сергей, который тоже дружил с Виталиком много лет, оскорбился за друга и откровенно сказал сестре, что подло бросать человека, которого и так стукнула жизнь.

– Видимо, ты рассчитывала, что он начнет приносить тебе в клювике легкие денежки? – беспощадно спросил Сергей. – Значит, в радости ты быть с ним готова, а как насчет горя? Пройдешь стороной? А может быть, ты хотела что-то урвать втихаря от этих двадцати пяти тысяч баксов, которые он не привез? Слава богу, что те подонки, которые его ограбили, уберегли тебя от искушения, иначе то, что случилось с Корневым, было бы сейчас на твоей совести!

В ответ Лида промолчала – и брат с сестрой вообще не разговаривали месяц. За это время Лида, которая все эти годы параллельно с учебой на своем филфаке упорно занималась французским языком, познакомилась с девушкой-француженкой и вскоре уехала к ней погостить. Совершенно неожиданно для себя она нашла работу в Париже. Именно тогда в столицу мировой моды хлынули потоком новые русские богачи, битком набитые деньгами, жаждущие их потратить, но не умеющие связать даже двух слов для того, чтобы выразить свои намерения. Лида устроилась в Галери Лафайет (там работала ее новая

подруга) переводчицей-консультантом и пять лет только и делала, что переводила с французского на русский все, что имело отношение к одежде, белью, обуви, аксессуарам, косметике, посуде, пластинкам, книгам, видеокассетам и компьютерным дискам... Она хорошо зарабатывала, она была довольна жизнью, она вполне могла бы остаться во Франции, если бы захотела, например, выйти замуж, ибо у нее было два очень даже серьезных кавалера! Но три года назад она получила известие о том, что Сергей арестован за убийство Валерия Майданского и получил пять лет лагерей, а тетя Сима умерла.

Пришлось возвращаться. Страшно звучит, конечно, однако Лида была рада вернуться – пусть и по такому печальному поводу. Она была из тех людей, которые способны жить полноценной жизнью только дома, только на родине. Страшно захотелось наверстать все, чего она сама себя лишила: например, защитить кандидатскую диссертацию по русской демонологии. Деньги у нее были, и немалые: в Париже она хорошо зарабатывала, а жила очень скромно.

Вскоре Париж забылся, как прекрасный, но далекий сон. Напоминали о нем только вещи, которыми Лида обзавелась на годы и годы вперед: свитерки, юбки, брюки, блузочки, пиджачки... В Галери Лафайет для персонала часто устраивались распродажи по поистине смехотворным ценам, так что она и впрямь изрядно прибархла.

Теперь жизнь ее резко изменилась. Сидела в библиотеке, готовила диссертацию, вела факультативы, занималась оформлением невеликого наследства, хлопотами о брате: посылками, переводами, письмами... От свиданий с Лидой Сергей отказывался: он находился в лагере в Оренбургской области и считал, что сестре ни к чему подвергать себя таким тяготам и ехать бог знает куда, чтобы встретиться с ним. Ничего, скоро это кончится. Осталось три года, осталось два года...

Он вернулся этой зимой – подобием человека. Вернулся, чтобы умереть.

За годы разлуки они стали чужими: ведь не переписывались, не перезванивались, когда Лида была в Париже, связь между ними осуществлялась только через тетю Симу. И только страшное увечье Сергея и его тихая, воистину мученическая смерть заставили Лиду осознать: кровь – не вода, и есть в кровной связи людей нечто не объяснимое словами да и, наверное, не нуждающееся в объяснениях. Она не предполагала – она вдруг безошибочно почувствовала той кровью, которая была у нее общей с Сергеем: его преступление, увечье, его

гибель – не случайность. Не просто роковое стечение обстоятельств! Это звенья одной цепи... цепи, каким-то образом замкнутой словами «красная волчица».

Сначала они были просто эфемерным образом, бесплотной тенью. Теперь в них забились, заиграла некая жизнь. Так мигают, словно пульсируют, разноцветные огоньки на вывесках в ночных клубах.

Вывеска «Рэмбо» была синяя, «Льва на Покровке» – золотая, «Гей, славяне!» – голубая; вывеска «Барбариса» ослепляла смешением красок. Ну а у «Красной волчицы», само собой, она была красная.

Как зимний закат. Как кровь.

Закат в крови – и жизнь к закату мчится...

20 декабря 2002 года

Пистолет вдруг выпал из его рук, и патроны начали один за другим выкатываться из ствола с протяжным, заунывным звоном...

Что за чушь? Как они могут выкатываться?!

Ярослав вздрогнул, открыл глаза и уставился на пол. Никакого пистолета там и в помине нет, разумеется. И, уж конечно, никаких патронов. Приснилось? Неужели он заснул? Ну, видимо, да... А этот назойливый звон – его издает тот предмет, которому положено звонить по должности. А именно – дверной звонок.

Ярослав с усилием приподнялся с кресла: по своей дурацкой привычке он сидел, поджав ногу, и та затекла. Бросил взгляд на часы, стоявшие напротив, на телевизоре, – сколько? Шесть?

Шесть?! Он что, весь день проспал, до вечера? Судя по всему, да, потому что кому взбредет в голову являться в гости в шесть утра? Главное дело, сейчас-то, в декабре, что в шесть утра, что в шесть вечера – на улице одна картина: темень! Правда, в шесть вечера в домах светятся окна. А в шесть утра

нормальные люди еще спят.

Все еще припадая на затекшую ногу, он шагнул к окну, выглянул. Слава те, господи, в многоэтажном доме на той стороне Звездинки освещены только несколько окошек. Значит, он проспал не весь день, а только час или полтора. Да и то, если рассудить, за день сидения в кресле нога не просто бы затекла, но и вовсе отвалилась бы, а теперь уже ничего, «оттерпла», можно идти и выяснять, кого это принесло ни свет ни заря.

Он уже стоял у двери, когда вдруг пришло в голову, что это явилась Лола. Хотя нет, вряд ли. Не для того она так панически смывалась от него несколько часов назад, чтобы сейчас взять да прийти с повинной головой!

Скорее, там не Лола, а те, кого она привела с собой... Узнала о случившемся, перемножила два на два и поняла, кто виноват. И решила, что ее очередь следующая. А что она еще могла подумать после его дурацкого появления на студии телевидения? А он ведь просто хотел спросить, зачем она этих ребят подставила? Ведь после того, что Ярослав узнал из «Трудных итогов», стало ясно, что он сваял невиданного дурака! Забавно: никогда не смотрел эту передачу, терпеть не мог ее ведущего, напоминающего живого покойника, однако именно этот типчик открыл ему глаза на величайшую ошибку его жизни.

Да нет, не могла Лола оказаться такой стервой, не могла!..

Звонок вновь залился трелью. Ярослав угрюмо покачал головой. Может, он и дурак, но уж трусом-то никогда не был. Хватит стоять тут, словно в надежде, что тот – вернее, те! – кто ломится в дверь, передумают и уйдут. Как будто в шесть утра эти ребята приходят для того, чтобы тотчас же передумать!

В двери не имелось глазка, а Ярослав был слишком горд, чтобы задать сакраментальный вопрос: «Кто там?» Уже поворачивая ручку замка, вспомнил, что те двое тоже точно так же не спросили, кто это к ним пожаловал, а просто открыли – и... Уж кто-кто, а Ярослав отлично знал, чем это для них кончилось! А вдруг его ждет то же самое?!

Но было уже поздно нравственно пятиться. И Ярослав, вздохнув и покачав головой, как бы подготовив себя к худшему, взял да и открыл наконец дверь.

Никаких «ребят» там не оказалось. На площадке стояла высокая молодая женщина в куртке-дубленке, клетчатой коричнево-зеленой юбке из толстой ворсистой ткани и сапожках с меховой оторочкой. Ее темно-русые волосы были заплетены в короткую косу, а светлые глаза тревожно смотрели на Ярослава.

Лицо с нервными, изломанными бровями и небольшим ртом показалось ему знакомым. Точно, он ее уже видел! Именно в этом полушубочке и сапожках, с этой смешной косой, из которой выбивались кудряшки. И юбку эту клетчатую он уже видел... такое впечатление, на каком-то полу...

Но тут незнакомка заговорила – и спугнула воспоминание, которое уже начало было оформляться.

– Вас зовут Ярослав Башилов? – спросила она с высокомерным видом, который непременно вызвал бы у Ярослава дикое раздражение, если бы он каким-то образом не догадался, что девушка вовсе не гнет перед ним форс, а, во-первых, это ее обычная манера разговора, а во-вторых, она сейчас изо всех сил пытается спрятать под этой маской страх. Однако отчего бы ей бояться Ярослава? Повода вроде бы и нет. Разве что бывало такое в ее жизни: приходила в шесть утра к одинокому мужчине, называла его по имени и нарывалась на...

Так, а откуда она, между прочим, знает, как его зовут?

И тут он внезапно вспомнил, где и когда ее видел. Да пару-тройку часов назад! В лифте, за спиной Лолы! Вот именно, сначала он увидел вытаращенные, полные ужаса карие глаза своей неверной невесты, за ее спиной столь же перепуганные светлые глаза вот этой девушки. А потом дверцы сомкнулись, и лифт увез наверх и Лолу, и ее подружку. И вот теперь Лола прислала подругу к нему...

Зачем? Мириться? Ну, это вряд ли. Выяснить отношения – вернее, его намерения? Это вполне возможно...

Ну и наглая же девка – Лола, имеется в виду. Да и этой светлоглазой особе наглости не занимать стать, если отважилась притащиться к человеку, который... который... А ведь вполне возможно, что Лола ей не сказала всей правды. Наплела небось невесть чего... Как эта красотка умеет врать, никто лучше Ярослава не знает. Интересно, под каким же предлогом она вынудила свою приятельницу потащиться в шесть утра к незнакомому мужчине? И что

поручила ей сделать? Что ему сказать?

Между прочим, нет смысла теряться в догадках. Гораздо проще принять вид, что он не узнал гостью, и, повалив перед ней некоторого «пинжака», выслушать все, что она ему скажет, – вернее, все, что поручила ей сказать эта врунья, эта...

Ладно. Каким бы словом он Лолу ни назвал, ей все будет мало, однако с ней у него так и так все кончено, а потому не надо оскорблять себя – прежде всего себя! – оскорбляя женщину, которой когда-то был увлечен, на которой даже подумывал жениться.

И вдруг промелькнула – словно стрела мимо уха просвистела! – мысль о том, как ему повезло, что Лола спровоцировала всю эту историю и вынудила его сделать то, что он сделал. Потому что он теперь начисто освободился от привязанности к этой... к ней, словом. Теперь ему даже страшно подумать, какая жизнь у них могла быть. Ведь все равно он прозрел бы рано или поздно – но тогда это уж точно было бы поздно. Ох, идиот, о чем он? Что может быть хуже того, что произошло? Он совершил кошмарную, чудовищную глупость, он совершил преступление, он готов был убить, и если бы не чудо в образе той перепуганной девушки, которая сидела на полу и смотрела помертвелыми глазами в ствол его пистолета, поджимая ноги под свою клетчатую юбку...

Ну и ну! Так ведь эта она стоит сейчас перед ним – та самая девушка в той самой юбке, с той самой косичкой, которая так забавно свернулась калачиком на полу, когда ее хозяйка шлепнулась в обморок – в той самой квартире. И он стоял, глядя на эту косичку, и на эту юбку, и на ее коленки, обтянутые коричневыми колготками, напоминавшими коричневые чулочки прилежной школьницы, – стоял, значит, глядел... И в эту минуту его отпустило. Ушло то безумие, в которое повергла его Лола, которое погнало его в ту квартиру, заставило совершить то, что он совершил. А ведь он готов был добить двух раненых подонков! Эта косичка, эти кудряшки над лбом, эти коленки, эти серые, сначала смертельно испуганные, а потом крепко сомкнувшиеся глаза удержали его на краю пропасти, в которую он уже готов был соскользнуть – и сгинуть в ней!

А она? Она-то запомнила его? Она-то понимает, к кому ее послала Лола?!

«Дурак ты, Башилов, это точно», – подумал Ярослав сердито. Да ведь девушка потому и боится, что отлично знает, кто он! Если Ярослав ее узнал – то и она его

узнала. Может быть, не сейчас, а еще раньше – когда смотрела на него из кабинки лифта. Но если так... если так, зачем она пришла?!

Промелькнула угрюмая мысль, что без ребят здесь все-таки вряд ли обойдется. Небось затаились между этажами, сопят от нетерпения и вот сейчас, по сигналу, взлетят с лестничной площадки, навалятся уроем...

Но было тихо: никто нигде не сопел, сигналов не подавал, ниоткуда не взлетал и на Ярослава не наваливался. Девушка стояла, глядя на него с прежним высокомерно-вопросительным выражением, и Ярослав сообразил, что она так и не дождалась от него ответа. Все это довольно длительное время он молчал и только пялился на нее как дурак.

– Ну да, Ярослав Башилов – это я, – с некоторым усилием разомкнул он губы. – И что?

Она слегка пожала плечом:

– Как – что? Ведь вы, по-моему, меня узнали. Разве нет?

Ну и девка... Пожалуй, у этой «школьницы» в коричневых чулочках и с косичкой нервы как стальные тросы!

– Само собой, – кивнул Ярослав. – Неужто не узнал? Да и вы меня узнали. Разве нет?

Он ее нарочно передразнил. И она чуть дрогнула губами в улыбке: оценила шутку.

– Само собой.

Тоже передразнила! Ох, рисковая штучка...

– Я вас сразу узнала. Но теперь вот какой вопрос: вы нынче ночью на студию приходили из-за меня или из-за Лолы?

– Из-за Лолы, конечно. Я и представления не имел, что вы там работаете.

– Я там не работаю. То есть, в принципе, работаю, но... Хотя это совершенно неважно, – махнула рукой девушка. – Извините, Ярослав, а... а можно я войду? Мне надо с вами поговорить.

– Быть того не может, – усмехнулся он. – Поговорить, да? И о чем, интересно? Хотите, угадаю с трех раз? Вернее, с одного? Небось о том, что вам довелось наблюдать вчера утром?

Она на миг опустила ресницы, потом снова блеснула на него взглядом:

– В общем, да. Но... можно все-таки войти?

Ему до смерти хотелось выглянуть на площадку и проверить, где конкретно таится кавалерия, готовая в любое мгновение броситься на выручку отважной и безрассудной героине. Но гордыня не позволяла.

– Проходите, – посторонился Ярослав. – Вы как, одна войдете или своих телохранителей прихватите?

Она изумленно вскинула брови, хлопнула два раза ресницами. Потом сообразила и криво усмехнулась:

– Вообще-то я пришла одна. Но, честно сказать, некоторые меры предосторожности приняла.

Сообщив об этом, она спокойно прошла в коридор, как если бы слова создали вокруг нее некий кокон безопасности. Оглянулась, посмотрела, как Ярослав запирает дверь. Спросила:

– У вас тепло? Шубу снять можно?

– Ради бога. – Он вынул из стенового шкафа плечики. – В принципе, у меня бывает даже жарко, но сегодня ветер как раз в окна, северо-западный, так что малость выстудило. А насчет мер предосторожности – можно поконкретней? Вы что, оставили дома конверт с надписью: «Вскрыть в случае моей внезапной смерти или исчезновения»?

– Ну, что-то в этом роде, – осторожно ответила она, спуская с плеч шубку и поворачиваясь к нему спиной.

Ярослав понять не мог, чего это она так стоит, чего ждет, почему не раздевается. Потом доехало: да ведь она ожидает, что он снимет с нее дубленку!

Начал помогать, вышло это суетливо и неловко. Ярославу стало стыдно, он разозлился – и на себя, и на нее. Ну и наглая же особа. Приходит к человеку, которого боится до смерти, которого знает как убийцу, – и в то же время ждет от него каких-то утонченных манер.

И тут же ему стало смешно от просто-таки вопиющей нелепости ситуации:

– Рискнули прийти сюда, а у самой все же поджилки тряслись? Письмецо оставили? Ну разве вы не понимаете, что я запросто мог бы... еще там... если бы хотел?.. – Он махнул рукой.

– Я знаю. И я очень благодарна вам, что вы этого не сделали, – кивнула она церемонно, с таким видом, словно зачитывала приказ с благодарностью. – Спасибо, что вы меня не убили. Дело в том, что у меня еще остались очень важные дела, и поэтому нужно еще немного пожить.

Он не выронил дубленочку только потому, что уже повесил ее на плечики, а плечики пристроил в шкаф.

Ну и ну! Эта особа находится у него каких-то десять минут, а то и пять, и за это время умудрилась уже который раз поставить его в такой тупик, что остается только глазами хлопать от растерянности.

Значит, у нее неотложные дела? И только поэтому хочется пожить? А завершив их, она что, застрелится?

Нет, понять что-либо в ее поведении совершенно невозможно. Раньше ему казалось, что самая большая загадка женского рода – это Лола. Но с Лолой теперь все ясно и просто – до тошноты. А вот эта штучка с косичкой...

Его вдруг зазнобило – от напряжения и недосыпа.

– Кофе хотите? Или чаю?

Она обхватила плечи руками, словно и ее тоже познабливало:

– А вы что будете?

– Кофе. У меня растворимый. «Нескафе-голд» – устроит?

– Конечно. Только очень крепкий, если можно, две или три ложки на чашку, и с одной ложечкой сахара. А то я ночь вообще не спала, поэтому как-то зябко.

Ну вот, аналогичная ситуация.

– А я думал, девушки пьют все без сахара, и кофе, и чай, – не удержался Ярослав от банальности. С другой стороны, надо же с ней о чем-то разговаривать, не сидеть же молчком в напряженном ожидании, когда она соблаговолит высказаться!

– Да, – кивнула она, принимая чашку и с удовольствием принохиваясь. – В принципе – да, именно так они и пьют. Но я же говорю, что не спала, а от сладкого кофе быстрее просыпаешься и взбадриваешься.

Все-таки у нее забавная манера говорить – такая обстоятельная. Как будто в неторопливом нанизывании слов она обретает спокойствие и уверенность. Как будто убеждена – звук ее голоса должен действовать умиротворяюще.

Между прочим, так оно и есть. Ярославу ни с того ни с сего стало удивительно спокойно. Наверняка она и злых собак вот так же приветливо, неторопливо пытается уговорить, чтобы не кусались!

А ему-то что бы такого ей сказать, чтобы не выглядеть совсем уж чурбаном? Да, кстати...

– А как вас зовут? Вы кто?

– Лидия Погодина меня зовут. Я пишу сценарии «Деревеньки» – ну, той передачи, в которой снимаются Лола и Иван с Валентином. Те ребята, которых вы... – Она проглотила слова вместе с кофе.

Так, все. Краткое спокойствие было разрушено. Ярослав напрягся так, словно сзади, за спиной, оказался кто-то невидимый, незнакомый, молчаливый, чьих намерений он не знал, не понимал – только ощущал опасность, исходящую от незнакомца. Так у него было однажды в жизни – еще давно, еще там, в Талкане, в Амурской области, – он тогда чудом остался жив, а потому это ощущение навсегда осталось предвестием каких-то очень больших неприятностей.

Да уж, наверняка эта сероглазая «школьница» пришла к нему не для того, чтобы рассуждать, когда девушки кладут кофе в сахар, а когда – нет! В смысле, сахар в кофе.

Да какая разница, ко всем чертям?!

Она вмиг почувствовала вспышку его раздражения и тоже напряглась. Отставила чашку, сложила руки на груди: закрылась.

– В общем, так. Пора переходить к делу, как мне кажется.

Ярослав кивнул, глядя исподлобья.

– Лола у меня, вы о ней не беспокойтесь. Мы когда убежали из студии от вас, сразу поехали ко мне. Там у Лолы началась истерика, и, пока я ее успокаивала, она мне все рассказала, как и что у вас вышло.

– Все рассказала? – переспросил Ярослав. – Неужели все?!

– Ну да, – чуть растерянно кивнула Лидия Погодина. – Рассказала, что вы собирались пожениться, что она уже переехала к вам, но вам не нравилось, что она так часто задерживается на студии, на съемках, вы были уверены, будто здесь что-то не так, очень ревновали ее, а когда она прошлой ночью не пришла ночевать, потому что попала в компанию, которая собралась у Ивана и Валентина, вы жутко приревновали, потеряли голову и отправились... ну...

Она замаялась и пожала плечами, словно не желая или опасаясь называть своими именами все, что видела в той квартирке на улице Полтавской.

Ярослав смотрел на нее, вот только что не вытаращив глаза. То, о чем она говорила, в принципе, смахивало на правду и в то же время было невероятно далеко от нее. Да уж, Лола здорово умела морочить людям голову и переводить стрелки! С другой стороны, ты что, Ярослав Башилов, хотел, чтобы она направо и налево рассказала, как спровоцировала тебя на убийство? Как ты ждал ее всю ночь, то шалея от ревности, то с ума сходя от беспокойства и не представляя, что делать, где ее искать? Как она притащилась наутро: от шубки оторваны пуговицы, помада размазана по лицу, брюки разорваны – и сказала, что ее изнасиловали два актера? Затащили к себе будто бы по делу: надо, мол, завтрашнюю сцену прогнать, а там набросились на нее и по очереди...

У него сердце остановилось, когда Лола сказала, кто эти парни. Конечно, он не раз видел их в «Деревеньке». Валька, смазливый, как девчонка, невысокий, но весь точеный, изящный, весьма удачно изображал всяких мелких бесов, соблазнитель томных вдовушек и глупых девок. А Ванька Швец – это был ее постоянный партнер в «Деревеньке», Ярославу тошно становилось, когда он видел его рядом с Лолой на экране. Глаз у Ивана горел так, что невозможно было поверить, что это лишь ради съемок. А впрочем, Ярослав всегда считал – может, по глупости? – что актеры изображают именно то, что чувствуют, и, значит, между Иваном и Лолой правда что-то есть, не может не быть! Теперь его подозрения получили страшное подтверждение. И он ни на минуту не усомнился в том, что она говорит правду. Эти безумные глаза, эти слезы... она так рыдала! Она сказала, где именно это происходило, что они с ней делали.

Ох, артистка! Вот именно – Ярослав забыл, что перед ним артистка. Сам по дурацки правдивый, он с трудом распознавал ложь и терялся, когда сталкивался с наглым, вопиющим враньем. Просто он не мог поверить, что возможно выдумать такое. Потому и поверил Лоле безоговорочно.

До утра успокаивал ее, а потом, когда она уснула, достал из тумбочки «вальтер» и поехал туда, на Полтавскую. Странно, должно быть, но ни Лола, ни он сам даже словом не обмолвились о том, чтобы пойти в милицию и заявить об изнасиловании. Ее позиция была объяснима: Ярослав понимал этот стыд, боязнь позора, огласки... Ну а он просто привык в жизни рассчитывать только на себя. Так отец приучил, так жизнь приучила – в разоренном, заброшенном Талкане. Он сам за отца отомстил его убийце, он сам вывернулся из той темной истории и

бесследно исчез с Дальнего Востока. Все и всегда он делал сам. И за свою девушку решил отомстить тоже сам.

Открыл ему Иван – открыл, не спрашивая, устало пожевывая. Наверное, ждал кого-нибудь знакомого, ну да появился не тот! Ярослав дважды выстрелил ему в грудь, потом продырявил спину того, другого, который пытался убежать. Потом кто-то начал открывать дверь, вошел в квартиру, и Ярослав скрылся в соседней комнате. Надеялся, что человек испугается и убежит, и тогда он успеет добить поганцев.

На то, что он уложил их первыми выстрелами насмерть, надежды не было никакой. И не потому, что Ярослав плохо стрелял: прожив большую часть жизни в дальневосточной тайге, невозможно не научиться стрелять! Но пистолет – в том-то и штука! – у него был не настоящий, боевой, а пневматический. Хороший, отличный, немецкого производства «вальтер», полное подобие настоящего. Разница одна: он стрелял с помощью газового баллончика, оттого звук выстрела был гораздо глуше, чем если бабахать из настоящего «вальтера». Кроме того, для него нужны были не пули, а металлические шарики. Латунные или медные.

И что? Вполне убойное оружие, когда стреляешь в упор. Если угодишь в глаз или в ухо – считай, все, смерть верная. В другие места попадешь – тут уж какое у тебя счастье будет. Именно в ухо намеревался стрелять Ярослав, чтобы добить свои жертвы. Латунный шарик в мозгу – это штука, не совместимая с жизнью! Сначала он хотел прострелить им их поганые причиндалы, чтоб не поганили больше девушек. А по-том пристрелить. И он пристрелил бы их, точно! Ес – ли бы не эта барышня с косичкой... если бы не Лида Погодина.

Когда она повалилась в обмороке на пол, его словно вытолкнуло из им самим учиненного кошмара. Он сразу ушел; даже мелькнула мысль вызвать «Скорую» к подстреленным. Ну да, это из серии анекдотов про Тараса Бульбу: чем я тебя породил, тем и убью. Только наоборот! Конечно, звонить он не стал – ушел. Пospешил домой, чтобы сообщить Лоле: ее обидчики наказаны. А ее там не оказалось. Она ушла. Позвонил ей домой – мать предположила, что у нее может быть утренняя репетиция в театре. Вечером запись «Деревеньки» и утром – репетиция в театре. Ярослав набрал номер ТЮЗа: точно, подтвердили на вахте, сейчас идет прогон детского новогоднего утренника, Лола Мартынова занята на репетиции. И вот в эту минуту и появилось у Ярослава ощущение, что здесь что-то не так... Как бы плохо ни знал он женщин, но все же представить, что жертва насилия рано поутру бежит на репетицию, чтобы изображать Снегурочку, – на

это не хватило бы даже самой смелой фантазии.

Ну, он вообще был глуп и отходчив: решил, что это она в шоке ринулась в театр, вроде как по инерции. Почему-то в памяти выплыла жуткая байка, недавно прочитанная, о том, что курица с отрубленной головой способна сделать еще несколько шагов. Существует даже исторический факт времен Ивана Грозного о каком-то человеке, которому снесли на плахе голову, а он потом встал да и зашагал куда-то... недолго, правда, шагал – через пару шагов упал да и умер. Но сам факт... Эти бессмысленные воспоминания надолго выбили Ярослава из колеи: он все представлял, как Лола с остановившимися глазами, с тем же бессмысленным выражением лица, с каким вчера появилась у него, кружится по сцене в белой шубке Снегурочки – ничего не соображая, словно заведенная кукла!

Разумеется, он ошалел от жалости к ней и помчался в театр. Но опоздал: репетиция только что закончилась. Возвратился домой, почти не сомневаясь, что Лола уже там: у нее был ключ от его квартиры, они ведь последнее время жили практически вместе, собирались заявление в загс подать, но что-то все мешало: то повседневная суета, то беспричинные, порохом вспыхивающие ссоры... Лолы дома не оказалось. Опять начал звонить ее матери. Та сообщила, что дочка появилась, ничего толком не сообщила, кроме того, что у нее полный порядок, в отношениях с Ярославом все отлично, дел невпроворот, подрядилась на Новый год работать Снегурочкой в фирме «Ваш досуг» (проведет ночь на колесах, разъезжая по домам, где жаждут новогодних поздравлений от Деда Мороза с беленькой внучкой; четыреста рублей каждому на руки с одного вызова, а таких вызовов уже набралось шестнадцать!), потом переделалась и усвистела неведомо куда, пообещав звонить.

Ярослав решил, что Лола наплела семь верст до небес матери потому, что боялась ее расстроить. Он все еще ждал, что Лола появится у него. Придумывал всякие причины, почему этого не происходит. Самой достоверной казалась та, что Лола стыдилась происшедшего.

Утром, значит, она стыдилась милиции, теперь – стыдилась жениха. То есть, в принципе, это понятно. И все же каким дураком он был, если верил, что такие понятия, как Лола и стыд, вообще совместимы!..

В конце концов Ярослав решил проехаться на студию и дожждаться ее. Там, в вестибюле, под подозрительным взглядом охранника он и посмотрел ночной

выпуск «Трудных итогов», увидел свои окровавленные жертвы, узнал, кем они были по жизни... и малость притупел от жуткой шутки, которую сыграла с ним Лола. Главное, непонятно было – зачем?! За что она хотела отомстить этим двум парням? Может быть, она клеилась к Ивану, а тот оставался к ней равнодушным? А потом Лола узнала, что мужчина ее мечты предпочитает мальчиков, взбесилась и спустила с цепи лютого пса по имени Ярослав Башилов... Еще вчера даже допустить такую мысль о женщине, с которой он собирался связать жизнь, было для Ярослава невозможно. А сегодня... сегодня он понял, что все бывает. Все!

И еще он понял: антипод любви – вовсе не ненависть, как это принято считать. Полная противоположность любви – равнодушие. Стоило ему увидеть глаза Лолы, когда она тупо давила на кнопку лифта, чтобы закрыть дверцы, стоило разглядеть этот ее ужас – словно молчаливое признание в совершенной подлости, – как у него что-то выключилось в душе. Не умерло, нет, это слишком красиво, как-то по-книжному, а именно технологически выключилось. Даже вроде бы слабый щелчок он услышал. Лола в это мгновение перестала для него существовать. И что бы она ни предприняла против него, что бы ни затеяла – Ярослав знал, что уже не сможет выбраться из этих пут тупого, вязкого равнодушия.

А она, дурочка, значит, спасалась что было сил и даже не постеснялась потащиться к этой Лиде Погодиной. Или они такие уж близкие подруги? Или правда – все бабы одним миром мазаны? Как это говорил один его знакомый врач, объясняя смысл эмблемы медиков: змея обвивает чашу... все мужчины пьяницы, а женщины – змеи!

Ярослав невольно хохотнул:

– Ладно, черт с ней, с Лолой. Пусть все будет так, как она сказала. Но вы! Может, объясните наконец, что вы-то здесь делаете? Зачем пришли?

Лида вздохнула, поставила локти на стол, уперла кулачки в щеки и сказала спокойно, словно о чем-то совершенно обыденном:

– Если честно, я пришла вас шантажировать.

20 апреля 2002 года

Пойти в эту самую «Волчицу» Лида набиралась храбрости как минимум неделю. Опыта посещения таких мест у нее не было никакого. В Париже консервативные кавалеры гораздо чаще приглашали Лиду в фешенебельные рестораны, чем в ночные клубы, которые там считаются все же не тем местом, куда можно повести приличную девушку, которую мужчина хочет не просто в койку затащить, а намерен сделать с нею рядом по жизни некоторое количество шагов. А здесь было просто некого попросить составить ей компанию.

Заикнулась было Санычу, но он ответил прямо и честно: «Настеха обидится. А с собой взять ее нельзя: сейчас, с ее-то животом, какие «найт-клубы» могут быть? Еще родит там с перепугу от слишком громкой музыки!» Настеха – это была молодая жена Саныча.

Честно говоря, Лида даже обрадовалась отказу. Саныч привлекал к себе чрезмерно много внимания, а ей хотелось в этот вечер быть незаметной. Что-то ей подсказывало: в «Красной волчице» она найдет ответы на многие вопросы – но только в том случае, если не будет бросаться в глаза.

Вот если бы затеряться в какой-нибудь броской компании... Оставалось только решить, от кого она будет теряться!

В конце концов Лида решила для начала провести телефонную разведку. Набрала номер (столько раз смотрела рекламу «Красной волчицы», что давно выучила телефон наизусть) и спросила, изо всех сил стараясь придать голосу небрежные нотки завсегдатая ночных заведений:

– Скажите, а как бы мне попасть в ваш клуб?

– Очень просто, – серьезно ответил молодой мужской голос. – Взять да и прийти.

– А когда можно?

– Да хоть сегодня, господи! – Чувствовалось, что молодой человек пожимает плечами, дивясь вопросам. – У нас сегодня хорошая программа. Два молодых стриптизера, канкан, фокусники, танцоры, ведущий очень милый, певица, само собой. Так что скучно не будет. Хотя... сегодня лучше не надо. Этим вечером

практически весь зал снимает косметическая фирма «Мэри Кей» для своего банкета. Вы же, наверное, захотите посидеть в своей компании?

– Да нет, в том-то и дело, что я одна, – смущенно призналась Лида. – Мне бы как раз лучше к кому-нибудь присоединиться. А эти, из «Мэри Кей», они что, никого вообще в зал не пускают?

– Да почему? Пускают. Но у них своя тусовка, там все друг друга знают, а вы будете на отшибе. Но если хотите – приходите, конечно. Но столика отдельного не гарантирую. У нас входной билет триста рублей, вам поставят салатик, вино, а если захотите что-то еще, закажете согласно меню. Подходит это вам?

– Подходит, – растерянно сказала Лида. – Нет, правда, прямо сегодня можно прийти?

– Да, конечно же! Начало их вечера в восемь. На какую фамилию ваше место записать?

Она оценила изысканность вопроса. Не грубо: «Как ваша фамилия?» – а чрезвычайно деликатно: «На какую фамилию вас записать?!» То есть назовитесь как угодно, это ваше личное дело, мы ценим ваше право на самоопределение вплоть до отделения. Отчего-то – наверное, из соображений той же интуитивной конспирации – не было никакого желания называть свою подлинную фамилию. Однако почему-то ничего не шло в голову. Наконец вспомнилась фамилия соседки, и Лида брякнула:

– Евгения Поливанова.

Ничего, Женька все равно никогда не узнает, как Лида пользовалась ее именем. А узнает, так простит!

– Госпожа Поливанова, ваш столик четырнадцать, место два. Ждем вас в нашем клубе!

Лида положила трубку и, чтобы унять трусливую дрожь в пальцах, принялась твердить себе, что это – всего лишь ни к чему не обязывающий звонок. Если будет неохота, можно ведь никуда не идти. И тем не менее она знала, что,

конечно, пойдет.

Кое-как решив проблему, что надеть (во-первых, надеть было решительно нечего, а во-вторых, Лида не знала, в чем принято появляться в ночных клубах), она вышла из дому без четверти восемь. И через полчаса выскочила из маршрутки на Нижневолжской набережной, откуда было рукой подать до Рождественской улицы. Прошла мимо ресторанчика «Скоба», мимо знаменитого разноцветного «Барбариса», мимо жутковатой, мрачной «Ультры» и увидела знакомую по рекламному ролику россыпь алых огней.

«Красная волчица»! И в самом деле – огоньками вычерчено изящное, гибкое тело бегущей волчицы. Вообще говоря, она здесь больше похожа на лисицу, потому что не бывает у волков такого пышного хвоста. А хвост у них, между прочим, называется не хвост, а полено. Кстати, и у лисы вовсе не хвост, а труба. Во всяком случае, так утверждает толковый словарь Даля, который Лида регулярно почитывала, дабы персонажи ее «Деревеньки» выражались сочным, богатым языком, а также не ленились вставлять в речь самые разнообразные пословицы и поговорки.

Даль также уверяет, что у коровы вместо хвоста махало, или охлест, у козы – репей, у овцы – курдюк, у дворняжки – ласк, у борзой – правило, у гончей – огон, у легавой – репица, у медведя – куцык, у бобра – лопата, у белки – пушняк, у льва, тигра и скорпиона – ошибень; цветок или пучок – у зайца, у рыбы – плеск, у рака – шейка, у павлина – сноп, а если павлин хвост распушит, то он называется «колесо», причем так же именуют распущенный хвост индюка или глухаря, у петуха и селезня – косица, у ласточки – вилка...

Заговаривая собственную нерешительность таким вот нехитрым способом, Лида наконец-то отважилась потянуть за ручку двери – довольно тяжелой, металлической – и оказалась в полутемном коридоре. Дальнейшее продвижение загоразивал огромный парень в черной водолазке – блондин скандинавского типа, с лицом викинга-убийцы.

– Зал снят под банкет, – глухо, словно штормовое, северное море, прошуршал он. – Или вы тоже «Мэри Кей»?

– «Мэри Кей», «Мэри Кей»! – закивала Лида.

В северных широтах малость потеплело. Парень простер вперед руки. Лида с трудом сообразила, что он готов не в объятия ее заключить, а просто-напросто принять ее плащ. То есть он вовсе не викинг, а гардеробщик! Раз так, Лида позволила ему оказать ей такую любезность. Между прочим, как давно с нее никто не снимал плаща! Аж с тех приснопамятных парижских времен! Так недолго и дисквалифицироваться, однако.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Репетиция или запись телевизионной передачи.

2

Последний удар, решающий удар, убивающий удар – фехтовальный термин (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/elena-arseneva/prekrasna-i-ochen-opasna>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)